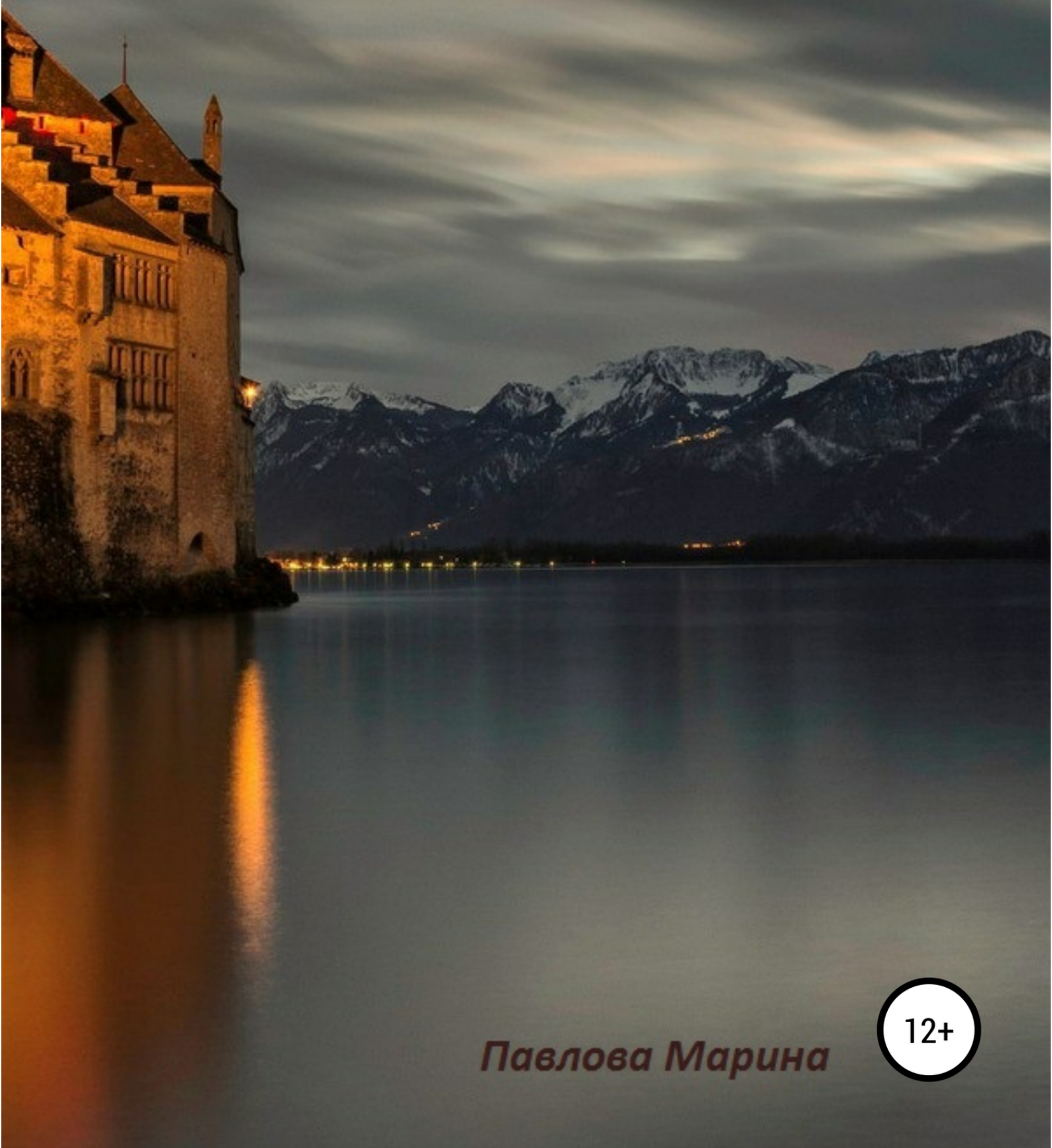

АТМОСФЕРА

Павлова Марина

12+

Марина Павлова

Атмосфера

«Автор»

2019

Павлова М. Е.

Атмосфера / М. Е. Павлова — «Автор», 2019

Действие начинается с приездом в город ученого немца, скрывающегося от совершенных им злодеяний и намеревающегося совершать новые в городском особняке, превращенном в лабораторию. Немец интересуется всеобщей любимицей, живущей напротив. Ее младший брат с друзьями старается этим отношениям противодействовать. За немцем в город приезжает молодой человек, имеющий к нему личный счет. В молодого человека влюбляется подруга главной героини, имеющая цель непременно выйти замуж. В городе происходят череда исчезновений и злодейское убийство. Дети выясняют, как именно пропадают люди, и сами оказываются в гуще событий. Их спасают необычным способом.

© Павлова М. Е., 2019

© Автор, 2019

Приветствую!

Меня зовут Марина. Сим предлагаю для чтения один из текстов, которые двадцать лет пишу в стол. Это сочинение-единственный детектив, после которого поняла, что для криминальных романов я слишком высокомерна. Да я бы и от этого рода деятельности вовсе отошла, но почему-то не могу. Пишу для взрослых и детей, про жизнь, про нас. Желающим желаю приятного чтения!

АТМОСФЕРА

Старинный дом стоял особняком на окраине небольшого городка, спрятавшегося от цивилизации в приграничных областях Южного Урала. Крупные грубо отесанные панели камня, скрепленные согласно городской легенде яичными белками и хранящие на своих неровно выпуклых боках пыль столетий, дряхлыми, однако не казались. Наоборот, от дома исходило ощущение нерушимости и матерой уверенности в победе над временем и любыми ненастьями.

Видал я, мол, и ваши грозы и ваши снега и жаркое солнце, и разницу температур – туда же. Нет, ребята, чтобы меня разрушить вам чего посильней природных явлений придумать придется. А эти ваши сезонные катаклизмы – так, ерунда, баловство одно.

Дом взирал свысока на расположенный на соседней улице, коптящий в его сторону заводик, дым из заводской трубы которого стеснительно обтекал каменный фасад и торопливо улетал прочь. На покато́й крыше дома еще сохранились остатки неопределенного цвета антикварной черепицы, а огромные окна, давно лишившиеся не только стекол, но и рам располагались высоко, под самыми потолками и равнодушно взирали на город в один и тот же однажды обозначенный объем пространства.

А городок в лучшие свои времена разрастался в разные стороны, только не в сторону старинного дома. Однако дом вовсе не пользовался дурной славой. Никаких призраков здесь никогда не видели. За триста лет к дому так и не прилепилось ни одной приличной легенды. Никто из старожилов не мог назвать даже имени последнего хозяина этого выдающегося городского сооружения. К дому никогда не относились как к месту, в котором можно жить, ведь никому и в голову не приходило его купить, как не приходит в голову купить «Щукину» – глубокую запруду у протекающую по краю города реки Шустринки или ее омут – Белоомут за городской окраиной.

Дом был данностью, таким же, как вековой дуб на городской площади Магазинов, или как луна, накладывающая сквозь его корявые ветви четкие темные тени на старый асфальт.

Раньше, когда городок еще считался небольшим поселком – в нем принято было жить в бревенчатых одноэтажных избах, полускрытых в кустах сирени, но и сейчас когда поселок вырос и в нем поднялись кирпичные коттеджи, покупателей на старый дом по-прежнему не находилось. Хотя старики и улыбались ехидно – эти ваши новые коттеджики – тьфу, по сравнению со старинным особняком. так себе – коробки спичечные...

И вот однажды в начале лета, которые здесь ничем одно от другого не отличались, потому что в этом тихом населенном пункте, нанесенным на карты Урала крохотной точкой и именем Коптев из году в год ровным счетом ничего не происходило, по городу прошел слух – на старинный дом нашелся покупатель!

В единственной, выходящей по понедельникам городской газете на первой полосе располагалась небольшая заметка. Настоящим сообщаем нашим уважаемым читателям, что пятнадцатого июня 1999 года между городом «Коптев» и господином Крафтом С.В. была заключена сделка. Город продал г-ну Крафту С. особняк, находящийся по улице Вербная, дом под номером один за сумму за сумму сто двадцать тысяч условных единиц. Далее следовал фотографи-

ческий снимок отдельного листа, прилагаемого к купчей. На той же гербовой городской бумаге широко раскинувшись в длину и ширину буквами – самодеятельность сверхинициативного юриста городской администрации значилось: господин Крафт С.В. становится полноценным жителем города Коптев и обязуется следовать закону Российской Федерации, а также уставу Горожанина Коптева, по которому каждый гражданин добровольно обязуется... Без нумерации, через точку с запятой числилось несколько предложений, смысл которых сводился к следующему: новый горожанин обязывался быть всенепременно приличным человеком, то есть вести себя во время проживания в городе Коптев – хорошо.

Журналист, один из трех, работающий в газете и готовивший эту статью, много конкретных слов и целых самостоятельных предложений имел сказать по поводу этой сделки, но по здравому размышлению, решил ограничиться информационным характером сообщения. Действительно, прежде чем высказывать свою точку зрения, формируя общественное мнение, желательно, представлять себе, хотя бы примерно, в какую сторону это дело налаживать. А то наформируешь в одну степь, а ветер в другую задует. У маленьких городков своя специфика, здесь люди живут близко. Тут, если на недальновидного журналиста опастятся, то одними смешками до болезни рассудка запросто доведут.

Опять же сказать сейчас хорошо это, или плохо, что единственная имеющаяся в наличие достопримечательность (кроме церкви) оказалась в частных руках, да еще и не уроженца города... Стоп – сказал себе журналист – стоп...

Зато новый хозяин дома в пример многим выглядел так, словно не испытывал ни разу в жизни никаких затруднений и даже сомнений...

Господин Крафт бегло проглядел обе бумаги и тут же не торгуясь и не выказывая никаких возражений, а лишь весело улыбаясь, и буркнув «зэр гут», ее подмахнул. Действительно, почему бы и не подписаться, если имеешь достаточно средств, а также твердое намерение вести на новом месте жительства соответствующий идеально-бумажному образ жизни.

По городу прошла первая информация о владельце с первыми словами – ратуйте, граждане! Теперь старинный особняк принадлежим чужаку – излишне самоуверенному, полному, если не толстому господину неопределенного возраста с седыми висками и рыбье бесцветными навекате глазами, да еще с бабочкой горлу поперек. Говорит господин высоким, временами даже визгливым голосом, молниеносно отбрасывая длинные пряди светлых, переплетенных с седыми волос и выглядит крайне энергичным и общительным. Многословно отвечая на каждый заданный вопрос и ни на секунду не закрывая рта, господин умудрился сообщить о себе лишь необходимый минимум сведений, требующихся для оформления документов. И более ничего.

Еще немногим позже в дополнении к первому слуху горожане узнали, что новый владелец дома родом из немецкой автономной республики, в детстве проживал в северной столице, продолжал образование в Москве, а в более солидном возрасте долго путешествовал, предпочитая цивилизованный мир Востоку. Но забегая вперед, когда после завершения этой скандальной истории доблестные силы городской милиции пытались выяснить источник этой информации, оказалось, что ни один человек не берется заявить, что слышал хоть что-нибудь подобное из уст самого господина Крафта или имел доступ к принадлежащим ему официальным бумагам. Подавляющее же число городских жителей не только не были знакомы с хозяином дома, но даже ни разу его не видели. Впрочем, число знакомцев названного господина могло на порядок превосходить число «почти никто», если принять во внимание, что часть горожан, пропавших без вести со времени его появления, с большой долей вероятности побывали в его прихожей и прежде, чем кануть в небытие имела возможность так или иначе поприветствовать хозяина. Подобное утверждение стало достоянием общественности гораздо позже и было озвучено лицом, которое в данный момент в городе еще не появилось. Поэтому ему

(утверждению), раз уж оно так поторопилось появиться, подходит пока определение «смелое», для любителей существительных же закономерно использование слова – «версия»

В отношении же нового хозяина имели место глаголы и глаголы. Ведь уже в день оформления сделки дом не только получил долгожданного хранителя, но и началась его активная реконструкция. Так, по крайней мере, считали любопытствующие. Работа кипела бурно, и выписанные неизвестно откуда строители управились в рекордные, вызывающие у горожан недоумение, сроки. Действительно, как это возможно отремонтировать, точнее отреставрировать трехсотлетнюю громадину за один единственный месяц, обойдясь стройматериалами, поместившимися в пару-тройку Камазов?

Чудеса – дивились горожане, а кудесники ремонтники, прежде чем покинуть стройплощадку, возвели вокруг дома металлический трехметровых забор. Листы профнастила находили друг на друга в притирку и топились в бетонное. А поскольку вокруг дома стояли обычные на окраинах одноэтажные домики, заглянуть в его двор теперь не представлялось возможным даже с их крыш, разве что с вертолета.

Местные сливки общества нетерпеливо ожидали, но так и не дождались приглашения на новоселье, как и ни разу не смогли заполучить приезжего на собственные торжества. Господин Крафт так же, вопреки ожиданиям, не посетил самый дорогой городской ресторан на площади Магазинов, носящий название «золотой» и служивший местной элите клубом. Городское общество разбирало любопытство и они пытали единственную входящую в дом даму, еженедельно доставлявшую в дом молоко. Как, да что? К удивлению местных, молочница, после ухода строителей раз в неделю переступавшая порог дома, не находила внутри него никаких изменений. Собственно, прежнее отсутствие рам со стеклами в верхних этажах ни для кого уже секретом не являлось, но тут выяснилось, что строители оставили и холл таким же обшарпанным, каким молочница помнила его с детства, а лестница на второй этаж так и не дополучила до комплекта перил и нескольких ступеней. Потолки тоже не претерпели никаких видимых изменений, лишь углы – место стыка стены и потолка украшали новые, на фоне запустения особенно ярко блестящие новым металлом толстые скобы. Основания, на которых они крепились прятались где-то в стене или за стеной. И молочница причислила это украшение к конструкции укрепления второго этажа. Более никаких послеремонтных усовершенствований с точки порога не проглядывалось, то есть совершенно никаких. Выходило, что Господин Крафт, впервые пожаловавший в префектуру города в летнем костюме с иголки, кипельно белой рубашке и дорогуших туфлях цвета топленного молока, поселился в доме, который за триста лет порядком подзабыл, что такое веник, и даже не предпринял не только косметического ремонта, но и черновой уборки помещений. Поверить в это отказывались даже самые «фантазийные» слушатели молочницы, а наиболее откровенные рекомендовали ей протереть глаза и пить поменьше... молока.

Более никто из горожан дальше входной калитки не допускался. Неизвестно почему лишь молоку выпала подобная честь – сразу оказываться в помещении. Договор с хозяином ресторана «Золотой» гласил – еда, согласно утвержденному меню, оплаченная вперед за месяц, доставляется и оставляется в специальном углублении в заборе. Оттуда же позже забирается поднос с грязной посудой.

Хозяин ресторана, вызванный на встречу по телефону, даже удостоился объяснению этой странности из уст самого хозяина. При этом рестораник находился за калиткой – на территории города, а господин Крафт внутри – на собственной территории.

Понимаете, я не всегда могу сразу спуститься за едой, а прислуги у меня, к сожалению, нет – быстро и почти без акцента излагал новый ресторанный клиент. Мне, видите ли, удобнее остывшую еду подогреть, чем каждую секунду выглядывать в окошко – не двигаются ли уже ваши явства к моему рту, то есть появился в поле зрения ваш посыльный. Господин Крафт визгливо рассмеялся. А, впрочем, я человек не привередливый, умею и холодную пищу погло-

щать. Холодная еда – тоже еда. Ха-ха-ха! Голубчик, если бы вы знали, чем мне приходилось иногда набивать мой бир баух, вы бы могли вернуть этому подносу ваш утренний завтрак. Ха-ха-ха! Ах, простите, боюсь это прозвучало несколько грубо. Но вы ведь верите мне, мой друг, я вовсе не хотел вас обидеть. Вы создаете очень приятное впечатление. Их фрое мих... Я рад вас видеть. И всегда рад с вами поболтать. Ха-ха-ха!

Велеречивость господина Крафта, его грубоватое кокетство, вновь сменявшееся великосветской любезностью казались уместными и вполне устраивали всех его собеседников непосредственно во время разговора, но спустя несколько секунд после прощания, каждый начинал понимать, что его заболтали, как последнего дурака, наметав в голову тесные залежи пустых слов и навешав на уши улыбок. И в таком ошарашенном виде отправили восвояси. До посетителя доходило также, что ни на один свой вопрос, просьбу или предложение он так и не получил вразумительного ответа.

Если добавить к этому, что ответных просьб о проведении каких-либо работ, как то – стирка одежды, уборка дома или посадка цветов от господина Крафта так же не поступало, общение города со своим новым жильцом на этом этапе начало постепенно затухать.

Конечно жители города долго не оставляли надежды познакомиться со своим интересным и даже таинственным соседом поближе, используя разнообразные, многочисленные от безделья способы, но так ничего и не добились. На звонки от наружной ограды немец не реагировал никак, на звонки по телефону обычно вообще не отвечал, а если и снимал трубку, то после первичного «алло» не позволял звонившему даже закончить собственное представление, бодрым голосом с тысячами извинений его прерывал и, ссылаясь на неотложные дела, отключался.

Со временем очередного посетителя, рассказывающего о своем очередном неудачном визите или телефонном звонке, начали потихоньку поднимать на смех, ведь у многих осталось неприятное ощущение изящного издевательства над собственной высокой персоной. Ущемленная гордость плохой стимул к визитам. И даже попытки посещения старинного дома со временем сошли на нет.

Нового владельца – а это показатель, придавали забвению даже на самых бойких болтливых месте – самостийном рыночке на задворках улицы Магазинов – в Докучаевом переулке и улице Ветошная, переходившей в Привокзальную площадь. Рано или поздно людям надоедает перемалывать одно и то же, а для освежения разговора требуется минимально свежая информация.

* * *

Да... и тут в городе на рубеже лета-осени произошло очередное интересное событие – пожаловал еще один важный гость с твердым намерением выбрать Коптев для долговременного пребывания.

Новый гость заявил, что недвижимость в срочном порядке приобретать не намерен – желает в начала осмотреться и предпочитает пока снять дом, или половину дома. Наученные горьким опытом общения с предыдущим приезжим, администрации города общалась с новым гостем очень осторожно. Однако гость номер два, казался свободным от желания «лепить и утаивать». Вел себя спокойно, был немногословным, иногда, впадал в кратковременную задумчивость и в эти моменты его лицо становилось озабоченным. Но на вопросы отвечал вежливо, с видимой заинтересованностью в установлении контакта. И сообщил о себе следующее. Зовут его Мадьяров Олег Валентинович. Ему тридцать два года. Холост. Детей нет. Занимается самостоятельными учеными изысканиями. Для чего ему и требуется уединение и достаточно большое помещение.

Для размещения книг – пояснил Олег Валентинович. Если мы договоримся и я останусь в вашем городе, мои книжные сокровища доставят в течение двух недель.

Мэр Коптева душевно ответил, что считает своим долгом удобно разместить гостя. Однако, поинтересовался, не собирает ли ученый проводить в черте города какие-либо опасные опыты?

О, что вы – снова улыбнулся молодой человек. Я не экспериментатор – я книжный червь.

Когда приятная беседа уже подходила к концу, приезжий несколько напряг главу городской администрации.

Хочу сразу предупредить, что Мадьяров – не моя настоящая фамилия. Это мой псевдоним, к которому я, так же, как и к длинным волосам, привык со времен моей сольной певческой карьеры. Я понимаю – я человек в вашем городе новый, поэтому предпочитаю сразу сообщить о себе, все, что интересует власти и жителей. Учитывая то обстоятельство, что это я к вам приехал, а не вы ко мне, сочту своим долгом ответить на все интересующие общественность вопросы, в разумных, разумеется, пределах. Ну, вы понимаете...

Ну, что ж – удовлетворенно кивнул мэр. Вы уже выбрали в каком месте города вам хотелось бы поселиться?

А где обычно селятся приезжие в вашем городе, конечно, исключая гостиницу?

Видите ли, в наш город редко кто приезжает на постоянное место жительства – вынужден был признать мэр. Однако месяц назад к нам переехал один господин. О, да. Он даже купил у нас ммм старинный особняк. Не самая дешевая городская недвижимость, знаете ли. Находится дом на северной окраине города, на Вербной улице. Да вам всякий укажет...

И тут молодой человек плохо скрывая волнение попросил описать нового хозяина старого особняка.

Хм. Его зовут Крафт Сергей Оттович. Невысокий полный человек, блондин с седыми висками и как многие блондины светлокожий. Мы немного знаем о господине Крафте. Он очень замкнут, но когда общается с кем-нибудь, то ммм.. производит совершенно противоположное впечатление. Вот пожалуй единственно, что могу о нем рассказать

Значит теперь он Крафт, права была Лариска – пробормотал Олег Валентинович так тихо, что мэр не услышал бы его, не обладай он очень острым слухом.

Мэр снова немного напрягся и внимательно взглянул на гостя. И был удивлен происшедшей с ним переменой. Глаза Олега Валентиновича даже сквозь полуопущенные веки возбужденно заблестели, а руки, державшие паспорт мелко повздрагивали.

Странно как-то – подумал мэр – что это господин Мадьяров, так взволновался – то? У него вид человека, который долго кого-то разыскивал, а теперь напал на след. Книжный червь – говоришь? Ну, конечно...

Вслух же мэр предложил. Если вас заинтересовал наш новый горожанин, то я могу познакомить вас. По крайней мере, попробовать.

От громкого – нет! мэр подскочил в председательском кресле.

Молодой человек тут же извинился. Простите, я немного перенервничал в дороге... Я вижу – вы человек умный и я признаюсь вам. Я действительно разыскиваю одного человека. Но прежде контакта я должен убедиться, что это именно тот мужчина, которого я ищу. Поэтому сейчас наша встреча преждевременна. Она ... должна стать сюрпризом, хотя бы для одного из нас.

Мэр поежился в кресле. Звучит немного зловеще. К тому же зачем выбалтывать свой секрет первому встречному. Не понимаю.

Олег Валентинович снова будто услышал мысли мэра и счет нужным объяснение продолжить.

Как я уже сказал, я стараюсь быть откровенным. Мне все равно пришлось бы наводить справки и вам тут же сообщили бы. Так что разница здесь только в том, сам ли я скажу или за меня скажут... К тому же мне возможно понадобится ваша помощь...

Ого – уже серьезно напрягся мэр. Похоже на вверенной мне территории начинает разворачиваться несанкционированная, чужая драма. Или, как выражается моя доченька Неллечка – горячая разборка.

Скажите, Олег Валентинович, с какой целью вы разыскиваете этого человека? И что вы предпримите, когда его найдете? Этот человек чем-то провинился перед вами? Не готовите ли вы для него какой-то устрашающей акции? Простите, но я спрашиваю не из праздного любопытства. Это мой город. У нас только речка Шустринкой называется, а сами мы привыкли жить размеренно и спокойно и я не могу одобрить...

О, не беспокойтесь – очень искренне перебил мэра Олег Валентинович – положительный результат при розыске этого человека окажется, вне всякого сомнения, на пользу вашему городу. Я разыскиваю его с самыми благими для общества намерениями...

На этом месте молодой человек сам себя прервал, поднялся на ноги и покинул кабинет мэра, оставив его хозяина во встревоженной растерянности. Последняя фраза гостя тоже не давала мэру покоя.

Какая-то она трехярусная – размышлял мэр. С двойным подтекстом. Ну, предположим, я искал бы своего друга, ну там девушку, тетю. Я прибыл бы в какой-то город, зашел в администрацию и так бы прямо и заявил. Ищу друга, девушку, тетю. Фамилия такая-то, приметы такие-то. У вас она не проживает?

А тут тумана полная поляна. И в то же время какая-то болотная откровенность. Странный он какой-то этот Валентинович. Сперва приехал бы, осмотрелся, а вопросы... обычно их задают в самом крайнем случае. А то насторожил меня, с толку сбил, заранее – надо, не надо помощи попросил. Разве так дела ведутся? Или я чего-нибудь недопонимаю?

Мэр покачался немного в уже и так сильно раскаченном кресле и вспомнил недавнее время, когда мечтал, что бы в их захолустный (чего уж там сам с собой лукавить) городишко приехали новые интересные люди. Внесли бы так сказать свежую струю в однообразное прозябание, рассказали бы как в других городах люди живут. Живые приезжие – это ж тебе не телевизор. Первоисточник, носители информации. Да и опытом, может, каким поделились бы...

На людей не угодишь – критикуя себя в массе – любя, размышлял мэр. Вот те пожалуйста, прибыли сразу две интересные личности. И в этой связи наш город, похоже, стоит на пороге каких-то... приключений. И приключения эти, опасаясь я, веселыми не окажутся... Ну и на кой тебе была нужна эта струя? Жили себе спокойно...

Могу я что-нибудь в этой связи со своей стороны предпринять – спросил сам у себя мэр и сам себе ответил – не могу, а обязан. Он потянул к себе телефонную трубку и сказал в нее – Надежда, майора Ефимова ко мне.

У Коптева был чуткий мэр, но даже его чуткость была не настолько глубока, что бы измерить все грядущие события.

* * *

Ее звали Полина. И в этом году ей исполнялось двадцать четыре. Довольно высокая, худышкой не назовешь, но вся какая-то удивительно ладная. И главное в ней не милая, но у общем-то не особенно выдающаяся внешность, а невероятное обаяние и не менее невероятная особенность с первого же взгляда вызывать уважение, симпатию и все другие подобные чувства. Все, кто Полину знал или хотя бы раз с ней разговаривал первой фразой описали бы ее так – абсолютно уравновешена. В наш психованный век даже в провинции редко встретишь настолько спокойную несовременную красоту. Все в ней – темно-русые густые волосы – обычно коса, сильное тело, чистая матовая кожа и умные серые глаза говорили о здоровье человеческого комплекта – тела и души. Никакой суеты, никаких скороговорок, никакой грубости. Уважение к себе и окружающим. Такт.

Эти ее качества анализу поддавались, а вот разобраться в причине необыкновенного обаяния не представлялось возможным, хотя охотники – местные аналитики время от времени находились.

Полина им помогала – старалась серьезно отвечать на вопросы хмурящего лоб исследователя, но что можно ответить, когда у тебя настойчиво интересуются – Поленька, да что в тебе такого особенного?

Так или иначе, но люди отогревались душой рядом с Полиной. Находясь с ней, человек успокаивался, отпускал от себя свои и чужие обиды. Ему больше вообще не хотелось ни с кем выяснять отношение, жаловаться, кричать. Многие чувствовали себя отдохнувшими после общения с ней, у некоторых даже головная боль проходила и отпускали хронические болезни. И у всех без исключения поднималось настроение. А Поля никаких пасов над гостями не производила, занималась своими обычными делами, перекидываясь с посетителем малозначащими словами.

Людам, хорошо знающим Полю, даже в голове бы не пришло рассматривать девушку с позиции красоты. Ей почему-то никто и никогда не говорил – ах, Полечка до чего же ты хороша. Или – до чего же у тебя красивые глаза, волосы, уши.

Если бы какого-нибудь горожанина Коптева попросили настоятельно ответить на вопрос – красива ли Поля? Он скорее всего затруднился бы с ответом. Или сказал бы – а при тут красота? А чужак, увидевший ее мельком и на приличном расстоянии в свое первое впечатление возможно добавил бы – симпатичная девушка, только какая-то медлительная, заторможенная, что ли.

Полина росла в обычной семье. Отец рабочий последнего не обанкротившегося в городе дымящего скобяного заводика, мать – портниха, долгое время работающая надомницей. Отец трудяга, в меру пьющий, мать сноровистая, умеющая ладить с людьми. В общем, приличная семья, но ничего выдающегося. Еще у Поли имелся младший брат – Феденька с характером и атрибутами пятнадцатилетнего сорви головы. Только у одного него поворачивался язык называть сестру Полькой. Федор сестру очень любил, но из какого мальчишеского упрямства свои чувства прятал и старательно не замечал ее многочисленных достоинств. Он прекрасно ориентировался в своей подростковой жизни. Умело маневрировал на уроках, за словом в карман не лез, а если по его мальчишескому соображению требовалось кому-то дать в лоб, никогда не дрефил. Полина, как человек, наделенной такого уровня добротой и обаянием как-то не вписывалась в его жизненную мальчишескую философию и поэтому действовала на него несколько деморализующе. Феденька сестрой дорожил, он просто не знал, как с ней обращаться. Хрустальная ваза в руках подростка – вещь хрупкая, да он и сам это прекрасно понимал.

Чаще всего Федор просто закрывался от сестры, явного уважение ей не выказывал, но, в самых важных вопросах действовал в соответствии с ее советами, никогда в этом не признаваясь. Федору не пришло бы в голову оспаривать ее влияние в глазах окружающих или ревновать к ней родителей. Он никогда не признался бы в слух, что он – парень отдает своей сестре Польке пальму первенства как в рассудительной, так и эмоциональной деятельности, но в глубине души – пусть левой рукой и из-под полы, но все же отдавал. С очевидным спорят только дураки, а Феденька дураком не был. К тому же для самоуважения у него оставалось еще некоторое физическое превосходство и поддержка в подспудном желании собственного совершенствования для конечной цели – многия заслуги и достижения в глазах окружающих такого же высокого авторитета.

Полина же, как и положено свободной личности Феденьку открыто любила, при необходимости по матерински журила и серьезно вникала, оставляя любое срочно занятие, если брат как бы мимоходом у нее что-нибудь спрашивал. Семья Полины и Феденьки и вообще относилась к вымирающему виду – разговаривающему, ее члены привыкли друг с другом общаться.

Даже Федор, прежде чем испариться вечером из дома, какое-то время и по доброй воле долго просиживал за обеденным столом, широко растягивая чаепитие, будто китайскими палочками пил.

Полина же часто думала – что, жизнь без своего родного города, где все тебя знают и ты знаешь всех, без этих каждодневных вечерних посиделок под старой с бахромой лампой – это была бы уже совсем другая жизнь. И как Поля сильно подозревала – не настолько уютная.

Когда Полина только закончила школу, то собиралась по совету учителя черчения ехать учиться на дизайнера. Уезжать она намеревалась сразу после получения аттестата. На осмотреться, подготовиться нужно время. Но как только горожане об этом прознали, началось тихое светопреставление. Каждый человек, от мала до велика, состоящий с Полиной хотя бы в отдаленном родстве или кратковременном знакомстве, считал своим долгом провести с ней душещипательную беседу – кто же теперь будет работать в попечительском городском совета (без нее непременно все развалится), кто заменит ее в дружине на городских танцах (при ней ребята и в самом деле не слишком задирались), а частные вечеринки, а близкая или дальняя родня, в общем «и на кого же ты нас ууу покидаешь».. Отдельный человек высказывается – это понятно и в подобном ключе даже приятно. А когда плачется едва ли не половина города, это уже называется – оказание давление.

Разве они не понимают, что ставят меня в неловкое положение – размышляла Поля. Ответить – спасибо за любовь, я все же поехала – как-то язык не поворачивается. А если я не уеду, возможно, лишу себя интересного будущего.

А дома Поленьку ждали глаза родных. Родные, правда, ничего подобного не говорили, и даже громко советовали ехать, старательно пряча грусть. Но... И Полина не уехала.

Любимые горожане еще раз прошли по ее судьбе своей городской обувью. Да, теперь речь шла ее личной жизни. Полина бабушка Антонина Петровна – вполне современная бабулька легче многих ее сверстниц говорящая на тему интимных проблем постоянно твердила внучке – Поленька, ты зря тратишь жизнь. Карьеру не делаешь – значит рожай. Найди себе кого поприличней и занимайся, чем замужней женщине положено. Выбор у тебя, какой ни у кого в городе – все женихи твои – только пальцем ткни. Ах, какие у тебя дети родятся! Умные, красивые, добрые -загляденье. И если хочешь знать, ты просто обязана нарожать побольше народу – это ж наш городской генофонд. А то у нас скоро одни детки веселых ужинов и воскресных пахот останутся. Представляешь, город дебилов!

Антонине Петровне в правоте не откажешь. Но количество не означает качество, а качество подходящих Полине по возрасту городских парней оставляло желать лучшего, да и числом было не слишком велико.

Но Полина все же влюбилась. В семнадцать. Она танцевала с ним – своим одноклассником Николенькой на выпускном бале и ничего не замечала вокруг. Тихонько смеялась счастливым смехом и очень радовалась, что такой красивый и умный парень – самый красивый и умный в школе не отходит от нее не на шаг. Но парень оказался слишком умным. Как только на него посыпались упреки, придирки и вразумления типа – да кто ты такой, что б встречаться с нашей Поленькой? Он очень быстро ушел в тень, а потом переключился на ее ближайшую подругу – Нелльку – дочь мэра и самую богатую невесту города. Полина слез не лила, ну разве самую малость. Она все поняла правильно, она видела, как Николенькины глаза приклеиваются к ней при встрече и с каким трудом от нее отрываются.

И бабушка Антонина Петровна успокаивала, как могла. Да, это тоже проблема. Знаешь, когда люди кого-то любят, они хотят чтобы этот человек принадлежал им всем, то есть не принадлежал никому. Они по доброй воле никого к тебе не подпустят, не отдадут кому-то одному. На любого нашего парня, пожелавшему получить тебя в единоличное пользование городские навалятся всем скопом. Они будут прочищать ему мозги до полного сношения головы.

Поленька, ты у нас общественный и бесполоый человек. Это твоя плата за всенародную любовь. Твоему избраннику придется изрядно попотеть, чтобы выдержать давление. Тут надо кремнем быть, а Николай твой того... прости господи слабоват. Ему не потянуть. Сама видишь, тут еще дело до дела не дошло, а он уже в кусты улез. И ты его из сердца выкинь. Не пара он тебе, не твоя судьба. Вот погоди, придет к тебе еще Человек. Никого не побоится, против всех встанет. Уверенность от него властной волной пойдет и всех ропщущих в повиновении согнет. И не ты станешь его успокаивать, соплю подтирать, а он сам тебя всегда уговорит-утешет, из любой неприятности вытащит и все ему будет нипочем и не страшно. Вот такого жди. Такому парню наши тебя, пожалуй, отдадут.

* * *

Поленька улыбалась грустно и глядела из окошка на улицу. Ее взгляд часто притягивал дом через дорогу. Поленька жила напротив старого особняка.

Обычно их Вербная похвастаться оживленным движением не могла. Поэтому, когда произошло это самое первое происшествие, которое, в общем-то могло оказаться и простым недоразумением, его наблюдали достаточно много людей. Как зрители в театре стараются рассмотреть рабочего, мелькнувшего по пустой сцене по какой своей профессиональной надобности...

* * *

Однажды, примерно через полтора месяца после прибытия в город первого гостя, перед его домом появился незнакомый человек, которого привез один из городских бомбил на своих жигулях. Надо сказать, что таксомоторный парк в городе отсутствовал, и его открытие в связи с явной нерентабельностью в ближайшее время не ожидалось. Городская администрация смотрела на желающих на свой страх и риск подработать спокойно. Сперва нужно создать достаточно рабочих мест, а потом уже требовать, чтобы люди оформляли свои отношения с государством в соответствие с законодательством. А когда последний заводик на ладан дышит, пусть и извозчики-горожане зарабатывают как умеют, а нуждающиеся в перевозках имеют возможность эту услугу получить.

Вот один из таких частников Васька по кличке «запорожец» однажды утром и выгрузил у ворот старинного особняка из своих стареньких жигулей некоего господина. Гость имел несколько чопорный вид, был одет в черный пиджак старого образца, ткань которого одна из соседок назвала кримпленом, а так же черные же, но уже шерстяные брюки. В руках Васькин пассажир держал потрепанный кожаный портфель, а на его носу висели старого же образца очки, напоминающие пенсне. С легкой руки Васьки «запорожца» приезжий получил кличку профессор. И городские, обсуждая эпизод его прибытия так его и называли.

Пассажир, отмалчивающийся всю дорогу, несмотря на настойчивое желание водителя, как только тот узнал о пункте назначения, выведать у него что-нибудь о цели визита и о самом Крафте. Прибыв на место, неразговорчивый «профессор» попросил его подождать. Васька с готовностью согласился, но потребовал деньги вперед. Строгий пассажир заплатил только за поездку в одну сторону и выбрался из салона. Несмотря на это Васька решил ждать.

Профессор уверенным шагом подошел к глухой чугунной калитке и позвонил. Подождал немного и позвонил еще. Когда он повторил эту манипуляцию с длительными перерывами еще несколько раз, Васька счел нужным к нему подойти и почесывая в затылке предупредить, что уважаемый гость может вовсе не дожидаться хозяина. Этот мужик ваще никому не открывает – объяснил Васька.

Профессор удивленно переминаясь с ноги на ногу и опустив руку из положения «на весу», ответил, что его здесь ожидают и дверь откроют непременно.

Вам виднее – согласно кивнул Васька и вернулся на водительское место.

Однако, спустя час гость все еще топтался около калитки, а со стороны дома не раздавалось никаких звуков.

Потихоньку к особняку потянулись люди и кто-то из соседей, видя насколько профессор устал от ожидания, посоветовал ему обойти вокруг дома. Мол, если его ждут, то возможно с другой стороны? Правда, за домом пустырь и дальше овраг, а никакой калитки с той стороны забора нет, но кто этого чудаки немца разберет? Может у него и тут все ни как у людей. Чудак – он и есть чудак.

Профессор сомнительному совету обрадовался и нетерпеливо зашагал вправо от особняка, в узкий проулок с забором соседнего бревенчатого дома.

Худая фигурка гостя черным пятнышком мелькнула несколько раз между железом и досками и... никто из городских его больше никогда не видел. Посетитель в кримпленовом костюме исчез, провалился, испарился.

Люди любопытствовали и не расходились до вечера. Однако голод разгоняет и не такие интересные сборища и народ потянулся на ужин, к аппетитному запаху своих кухонь.

Сначала, отбыл, испортив воздух Васька, использующий, обормот, резиновую прокладку и заливающий в бак своего «Жигуля» низкооктановый бензин, который на единственной в городе бензоколонки пайщика мэра и так таял октаном примерно до восьмидесятого.

В разные стороны сквозь не успевшее еще выветриться облачко вонючего смога потянулись к плитам гонимые долгом хозяйки. Последними, давя окурки кирзухой, разошлись мужики – природные несплетники.

На следующий день город гудел слухами, которые уплотнив людские ряды, в итоге выплеснули Ваську «запорожца» в дверь кабинета Ефимова. Народ подталкивала мужика локтями и требовал – давай, рассказывай. Тут вона, власть заседает, пушай разберет, куда этот немчура, профессора подевал. А ты Ефимов пораскинь мозгами чуток, будя тебе с одними алкашами воевать.

Ефимов к народу завсегда человек уважительный. Он, внимательно выслушав Ваську и задав несколько вопросов, распорядился напечатать в газете объявление – просьбу объявиться людей, которые видели профессора позже девяти часов вечера вчерашнего дня и особо просил прийти тех, которые могли присягнуть, что видели профессора, входящем в сад Крафта.

Людская молва пошебуршала еще немного и предьявила деда Сергея – грозу местных мальчишек, старательно входившего в антагонизм со всеми последними поколениями городской детворы.

Дед Серега в центре внимания не растерялся, он поправил военный френч, стряхнул с галифе крошки табака самосада и солидно сообщил по сути дела, что где-то, примерно, в районе программы время или около того видел худого антеллигента, перелезающего железный Крафтовый забор, используя ветки вплотную росшей к забору липы. Дед Серега, довольно часто уличающий хулиганов в подобном проникновении на чужую территорию, правда не взрослых, а подростков, хотел и в этот раз громко возмутиться, но разглядев солидный возраст татя и учитывая, что человек прется в чужой сад еще при свете дня, ограничился коротким – эй, милоч, гляди портки не разорви!

Антеллигент, по словам деда Сереги, в этот момент болтавшийся сосиской на ветке еще по эту сторону забора сильно застеснялся, покраснел лицом и постарался побыстрее закончить экспансию. Он изловчился, подтянулся и закинул ноги на ближайший железный лист. И еще через несколько мгновений дед Серега услышал звук приземления с треском и дальше скорые шаги пожилого хулигана по другую сторону забора, удаляющегося характера.

Ефимов спросил свидетеля, как далеко от него происходила сцена покорения железного забора. И дед Серега ответил – недалече, шагов с тридцати. Ефимов спросил так же – не заметил ли дед Серега что-нибудь в руках того человека. И получил ответ – говорю ж тебе, уцепился за ветку обеими руками – того гляди сорвется, по всему видать – совсем не умеет человек по заборам лазить. Тогда Ефимов решил на проведение следственного эксперимента. Деда Серегу вывели в милицейский двор и установили на одной месте раздолбленного асфальта. На

другое место, старательно отсчитав тридцать шагов, встал Ефимов. И попросил деда Серегу определить выражение его лица.

Хмурится, морду вверх тянет – как все начальники – не задумываясь окрестил улыбающегося Ефимова свидетель.

Говоришь, покраснел интеллигент? – с сомнением протянул Ефимов – а ты дед ворону на дереве от человека отличишь?

Дед Серега такому недоверию оскорбился. Я говорит – чего надо завсегда разгляжу. А тебе – Фоме неверующему никаких показаний больше давать не стану. После чего развернулся обиженно и громко топая тяжелыми сапогами, гордо удалился.

Ефимов показания плохо видящего свидетеля поставил, конечно, под сомнение, но люди встали на сторону старика. Может про красноту дед Сергей и зря ляпнул, однако человека тоже понять надо, он всю жизнь пацанов срамил, да только никого до сей поры не застеснял, охота, может человеку помечтать, раз в жизни рассказать, что не зря слова тратил, а хоть кого в краску за хулиганство ввел.

Других свидетелей Ефимов не дождался, однако, под давлением общественного мнения, господину Крафту все-таки позвонил. Для звонка от властных структур, немец сделал исключение и диалог состоялся, правда в обычном ключе. Ефимов, выслушав десятиминутную суетливую, развеселую и пустую речь с соседнего конца провода, установил таки, что никакого визитера уважаемый хозяин забора в глаза не видел. Насилу собирая загнипнотизированные мозги в одно целое, майор задал еще один прямой вопрос – звонили ли Крафту в дверь вчера, начиная примерно с обеда и до вечера. На этот вопрос господин Крафт ответить затруднился, уверял, что проводил в подвале какой-то шумный эксперимент, поэтому никаких звуков вообще не слышал. Однако, поскольку разрыв во времени был значительный, он должен был слышать звонок, закончив опыт и вернувшись в комнаты. А раз не слышал, значит никакого звонка, выходит и не было. На том они и расстались.

Ефимов, ну ты же не дурак, мы же все там стояли и профессор при нас звонил. А вот если немец этот звонок специально попортил – это дело совсем другого рода. Не нужен был ему этот профессор в посетители. А ты, небось лучше нас знаешь, как с ненужными посетителями поступают. Каюк – и нет профессора. Скажи, ты – дубовая голова, как бы он никого не встретив из города выбрался? Ночью на шоссе ни одна попутка не остановится, да до шоссе еще и добраться надо, ни на кого не налетев. А уж вокзал – то и подавно со всех сторон простреливается. Скажи еще – профессор на воздушном шарике с крыши улетел. Не положено тебе милицейский ты начальник в сказки то верить.

Следующий звонок Крафту достался Ефимову дорогой ценой. Ефимов не дал Крафту и рта раскрыть, переводя на одном дыхании с приветствия в просьбу. Майор просил хозяина особняка разрешить властям осмотр дома на добровольных, так сказать, началах.

Крафт выразил горячий протест и объяснил свое нежелание помочь следствию наличием в доме большого количество дорогого оборудования. Господин ученый выразил сомнение в том, что от него что-нибудь останется, если руки, привыкших совсем к другим инструментам милиционеров, станут к нему прикасаться. В этом ключе, Крафт задал два вопроса, обучены ли подчиненные майора работать с пинцетами? И готов ли Ефимов, подписать документ, согласно которому, город обязуется даже не деньги возратить, а само один в один утраченное во время обыска оборудование. Разумеется – вежливо уточнил немец – документ, в котором я проставлю сумму морального ущерба будет заполнен отдельно.

Ефимов затруднился с ответом. Зато речь Крафта снова полилась мощным потоком, из которого Ефимов понял только, что все оборудование немецкого производства и как многие сверхточные инструменты, довольно хрупко. И даже самое простое из них, как то – специальные подставки под отдельные детали стоят ого го го. Затем Крафт и Ефимов тоже расстались.

Ефимов не стал советоваться с мэром, он и так знал, что тот скажет. Денег нет.

Ефимов уважал мэра за оборотливость, но в некоторые моменты его так и подмывало спросить, как это так получается – городской бюджет постоянно пуст, а закрома личного хозяйства господина мэра ломятся от изобилия. Ефимов, которого только годы службы немного обломали, характер имел взрывной и каждый раз ощущая легкое подергивание верхней губы, старался разговор, во избежании последствий свернуть, поэтому мэр и в этот раз не услышал едва не сорвавшийся с нервных губ вопрос – а не мог

бы ты, хапало чертовое не все себе загребать, а и городу хоть немного оставить?

У нас же совсем нету финансового маневра – в который раз сетовал майор. Ведь случись что – сколько народу положим, голодом уморим. Стены в КПЗ того и гляди осыплются, ладно алкашня разбежится, а если кого серьезного охранять придется. Тогда как?

От насущных потребностей, Ефимов снова вернулся к Крафту. И начал «искать», стараясь, что бы обида на немца не уводила его от непредвзятости.

Значит так, версия первая – Крафт заманил к себе (заставив лезть через забор) некоего своего знакомого, возможно врага, по утверждению последнего ждал его, чтобы чуть ли не при все городе устранил, ну или скажем изолировать.

Ефимов хмыкнул – с самого начала некуда не лезет. Какой дурак пойдет по такому наиглупейшему пути? А Крафта даже дураком не назовешь. Существует бесчисленное число других вариантов, неужто недурок Крафт выбрал бы самый неподходящий? Рискуя к тому же тем, что я с моей гвардией тем или иным способом проникну в дом и обнаружу там живое или бесчувственное тело? Зачем немцу прибывать кого-то в собственном доме, соображая куда потом девать труп, когда вокруг города леса, леса и болота. Ну? Нет, глупо, совсем глупо.

Значит остается одно – кто-то подставляет господина немца под серьезный монастырь. И в этом смысле других нет вариантов, как человек из его же – немцева мира. Человек, ориентирующийся в городе и не рискующий своим «чужим» лицом вызвать в этой ситуации какие-то подозрения. За этим Мадьяровым нужно присматривать, да и ловкачу мэру, он с самого начала не очень приглянулся, уж чего-чего, а в людях мэр разбирается, иначе бы не наловчился так обувать. Вот в эту степь внимание и направим, а немец, он хоть гад ученый, а тут, похоже, не причем.

Ефимов наметил кое-какие конкретные мероприятия относительно Мадьярова и немного успокоился.

А я молодец – похвалил себя майор, характер свой в узде удержал – к немцу не полез, мэра – не послал. Право слово – молодец.

Молодец Ефимов отгонял от себя одну противную, приставучую мысль – так куда, собственно говоря, подевался профессор?

Город же повоевал еще немного в сторону всякого рода начальства, но так, как желающих платить за удовольствие засунуть свой нос в секреты немца, в итоге не нашлось, понемногу поуспокоился.

В это время дочь мера в очередной собралась замуж и это событие заполнило умы горожан.

* * *

Брат Полиньки Федор вихрем ворвался в гостиную, поглядел на сестру, склонившуюся над черной юбкой – материным заказом и спросил на бегу – к Нельке идешь? Федор обычно точно знал, где в данный момент находится сестра. Если позволяли условия старался невзначай оказаться поблизости. Но если бы ему указали на эту его привычку, он очень удивился бы. Я? За Полькой хвостом? Ты чего, дурак?

Поленька, следуя глазами за неумным братцем, ответила – да наверное пойду. Она звала.

Ха-ха-ха – звонко рассмеялся Феденька – хана Нелькиному жениху. Пятому. Тоже мне пять раз невеста.

Нелька считала Полиньку своей лучшей подругой. В течении школьных лет она старательно отбивала от Полины всех девчонок, желающих с ней дружить. Она заслоняла Полю от потенциальных подруг во время школьных перемен и неотлучно находилась при ней вечерами. Уроки они тоже делали вместе. Нелькины родители эту дружбу поощряли, замечательно, когда приятельница дочери абсолютно надежна и стоит исключительно на добрых позициях. Хотя девочка, конечно, немного ммм. не нашего круга, зато заслуженно пользуется уважением, ну и так далее.

Семья мэра устраивал всякие вечеринки для избранных, но даже и без них, когда девочки после школы занимались у Нелли, никому из других детей туда хода не было. В общем Нелли было слишком много, она постепенно заполнила вокруг Поли все пространство и считалась ее штатной лучшей подругой.

Первое серьезное испытание девичьей дружбы произошло не тогда, когда за Полиной ухлестывали подавляющее большинство городских мальчишек, а за Нелей в связи с не отросшим практицизмом – никто и даже не тогда, когда Николенька переметнулся к Нельке, а когда Нелька, собралась замуж совсем за другого парня – богатого наследника из соседнего города.

Полине Нелька обычно говорила правду. Она и объяснила – он урод, конечно, но родители достали – хочу независимости. Когда Полина, которая ни разу не видела, чтобы Нелины родители хоть в чем-то притесняли дочь, попробовала возразить – мол, тебе нет никакой необходимости выходить замуж «за деньги» у тебя своих достаточно. Поссорилась с родителями – помиришься. Это же не повод ложиться в постель с чужим человеком.

Нелька быстро и коротко возразила – не понравится – разведусь. Зато потом своим домом жить буду.

Помолвку отгрохали со всей пышностью. Не только местная, но даже одна из областных газет дала большую статью с фотографиями счастливой пары.

Жених, утянутый в специальный сильный похожий на корсет костюм вел себя во время званного обеда очень странно. Он не глядел на невесту и даже не поднимал глаз на произносимого очередной заздравный тост. Больше всего его интересовал собственный бриллиант шириной почти во всю печатку. На его упитанном лице отражалось мученье и он не дождавшись окончания обеда и ни с кем не прощаясь, унесся на выездном мерседесе, не тратя времени ни на поиски родителей, ни шофера. С концами.

Ситуация разъяснилась, когда выждав пару недель бывший Нелькин жених нагрянул в небогатый Полин дом и сразу прямо на пороге предложил ей руку, сердце и наследный капитал. Чем совсем смял и без того суетливое действие знакомства. Члены ужинавшей в это время семьи пришли в волнение, Полина от неожиданности поперхнулась крошкой хлеба и только руками замахала, а выпроваживал отвергнутого жениха ехидный Феденька. Когда машина начала отъезжать – он довольно зло крикнул вслед. Ишь чего захотел, боров жирный!

Конечно, Полин отказ никакого значение для Нелли не имел, а имел, что называется сам факт обращения – скандальный и обидный. Но Нелли с этим справилась. И справилась бы еще быстрее, если бы не пересуды. В конце концов дочь мэра выбрала наиболее эффективный способ закрывания чужих ртов. Завела себе нового жениха. И начала им громко гордиться.

Нелли вообще обожала гордиться. Я – натуральная блондинка – гордо заявляла она, на моих волосах только несколько высветленных «перьев». И без всякого перехода – у меня самая дорогая в округе машина и самый большой дом! Еще она гордилась отцом – удачливый бизнесменом и толковым политиком, матерью, которая оставалась молодой, имея склонную к полноте фигуру. Худые и так долго не стареют, а вы попробуйте носить на себе девяносто кило и не заработать целлюлита! Ну и так далее.

Когда судьба второй помолвки постигла участь первой, Нелли уже имела опыт выхода из щекотливой ситуации и пережила ее легче.

Полина тоже приняла собственные меры – на третью помолвку не пошла. Благодаря этому, третья помолвка едва не закончилась свадьбой, но свадьба все же не состоялась по причине, не имеющей к Полине никакого отношения.

Четырежды невестой Нелли пробыла совсем не долго и сама отказалась выходить замуж.

И вот теперь неунывающая Нелли объявила, что снова хочет попытаться добраться до загса бракосочетаний и услышать наконец личной к ней обращенный марш Мельденсона.

Когда Полина осторожно вошла в столовую дома мэра, оказалось, что за богато сервированным столом находились только трое членов Нелиной семьи и Полина – единственная гостья. Лица у всех были немного удивленные.

Не успел слуга наполнить бокалы шампанским, как Нелли в легком пестром наряде резво вскочила с места и торжественно объявила – сегодня мы справляем мою помолвку!

Сидящие за столом люди интуитивно обвели комнату взглядом, а Нелина мама, давно привыкшая к дочкиным сюрпризам даже скосила взгляд под стол.

Нелли громко рассмеялась – нет, мамочка, все верно, моего жениха здесь нет. Не удаются мне что-то помолвки с присутствующими женихами. Долой неудачную практику! Сегодня я собрала вас, что бы объявить. Я влюбилась в господина Мадьярова, недавно переевшего в наш город и хочу выйти за него замуж!

Мама открыла и закрыла рот. Присутствующие в пустом звуке прочитали одинаковый вопрос – а господин Мадьяров об этом знает?

Хм... – откашлялся мэр, а хм... господин Мадьяров... он хороший человек?

Понятия не имею – опять звонко рассмеялась Нелли. Я с ним еще ни разу не разговаривала, только видела его пару раз в «Золотом». Но по-моему он очень и очень приличный. Ты же не хочешь, отец, что бы я вышла замуж за какого-то местного парня. Ты сам говорил – они мне не ровня.

Ну, что ж – осторожно протянул огорошенный родитель. Нам нужно узнать этого господина поближе и тогда...

Никакого тогда – обрезала дочь – он мне нравится и этого вполне достаточно. И сейчас мы должны решить, как лучше меня ему подсунуть, то есть я хотела сказать – представить...

* * *

Поленька сидела на последней ступеньке крылечка, шурилась от нежаркого осеннего солнышка и листала модельные журналы. Они тяжелой кипой давили на ее колени и она снимала с себя их по одному, чуть уменьшая груз. Поленька искала решения. Дама, заказавшая «неприменно мини юбку» возраст имела солидный и главное не могла похвастаться изящными ножками. Но дама была глубоко влюблена и, как поняла Поля, хотела получить нечто фри-вольно-игривое, что ассоциировалось в ее представлении с куражом мини наряда.

Вот – ткнула наконец пальцем в страницу девушка. Правда эта юбка сантиметров на десять ниже колена, но с разрезом спереди по... это обговорим. Если сделать клеш на 3 сантиметра по длине – стандарт для прямой юбки, вещь будет выглядеть, как зауженная книзу и разрез станет широко распахиваться при ходьбе, обнажая вертикальную полосу ноги и совершенно открываться при сидении. В конце концов можно сделать и два разреза – по бокам. А совсем короткий вариант предложу-ка я клиентке в виде ночной сорочки или халатика. Косой подол годе, поднимающийся слева до линии подмышки. В приглушенном освещении и выигрышных тапочках на каблучках этот фасон спрячет живот и вообще может очень неплохо выглядеть. Да. Пока так.

Полина сняла с колен остальную кипу и засмотрелась на клумбу. Им с мамой нравилось каждый год обновлять большую клумбу под окнами гостиной и поэтому на ней кроме центральных многолетних хризантем, лилий и роз, росли по краям в ежегодно изменяемом порядке однолетники.

Петуния в этом году такая сильная и красивая, какой уж месяц так роскошно цветет – подумала Поленька. Дальше ее взгляд привычно скользнул по дорожке из широкой плитки, переметнулся через деревянную калитку с щеколдой, и не затратив нисколько времени на дорогу, уперся в забор старинного дома. Полина привыкла смотреть на дом. Он попадался ей всякий раз, когда она приходила или уходила из дому, когда появлялась на дорожке дома, когда уходила или возвращалась домой. Окна их гостиной и спальня Поленьки тоже выходили на эту сторону. Но дом для нее почему-то так и не стал привычным окружающим пейзажем. Он выделялся из улицы, лез в глаза и притягивал внимание. Избавиться от взгляда старинного дома можно было лишь зайдя за угол их одноэтажного и приблизившись вплотную к стене. Стоило отойти на несколько шагов назад, как старинная махина уже обозначивалась, нависая над крышей.

Когда Поленька было совсем крошкой, лет примерно шести, она уже помнила эту непривычную взгляду махину напротив. Иногда, сидя у окошка она придумывала в гостиной дома балы и пиршества, разумеется с собой в главной роли. Она переболела этими историями еще до поры взросления, поэтому они не носили выраженного романтического характера. Просто маленькая Поленька была на этих балах единственной принцессой. Все выполняли любое ее желание, дарили ей бесчисленное число маленьких кошечек и собачек, хотели играть с ней и танцевать, а родители – король с королевой никогда не препятствовали ее играм и не заставляли ее учить уроки.

Конечно, подобное необычное сооружение, находящееся в посредственной близости, вполне могло взбудоражить в Поленькином воображении мысли о прекрасном принце, выезжающем на белом коне в связи с отсутствием конюшни откуда-нибудь из подвала дома и в один поскок оказывающимся у ее крыльца. Но подобная фантазия пару раз вспыхнув в Поленькиной голове почему-то там не задержалась.

Этой же весной – порой любви, дом окружили высоченным железным забором без ворот, Поленька вспомнила о принце только чтобы улыбнуться. В калитку он, что ли вместе с белой лошастью протискиваться должен? Застрянет еще в такой-то узости. А в общем-то, не считая этой мимолетной мысли Поленька вдруг первый раз в жизни подумала, что дом этот никогда для нее приятным местом, мечтой, другом не был, а в последнее время рядом с ним и вовсе стало неуютно. И как это я раньше не замечала, как он торчит тут один такой огромный и давит на все вокруг. И кажется теперь еще старше и страшнее из-за нового забора.

О новом хозяине дома Поленька только слышала, ни разу его не видела. Она поняла сразу, что под принца он никак не сойдет и окончательно потеряла к нему и без того незначительный интерес. Затворник Крафт и домоседка Поленька могли годами не попадаться друг другу на глаза. А встретились удивительно скоро...

Поленька в то утро отвозила на примерку пару нарядов все той же влюбленной даме и теперь торопилась домой, потому что дама в свою очередь очень торопила с обновками. Поленька обдумывала последовательность завершающих работ сразу с двумя платьями и буквально летела по Икшинской – улице параллельной своей. Ей требовалось дальше минут короткой Горлов переулочек, повернуть налево на Вербную и объехав четыре соседних участка, оказаться у родного крыльца. Но на этом последнем Горловском перекрестке ее и занесло.

Не вписалась – охнула Поленька – вторая нога вслед за первой соскочила с кривых педалей, и Поленька, подтянув правую обратно к велосипеду, лихорадочно дергала ей в поисках тормоза. Велосипед пригнуло к земле и понесло на инерции прямо на стоящую на углу пересечения переулочка и улицы колонку, из которой все соседи брали воду. Нога Поленьки скользила по каким-то гладким поверхностям, а всегда надежные педали все не находились – спрыгнули с велосипеда и сбежали. Равновесие тоже окончательно потерялось. Спасти положение уже не представлялось возможным. Колонка приветливо летела навстречу, улыбаясь железным ртом...

В этот момент сквозь шелест гравия и собственный испуганный крик, Поленька услышала два четких, но противоречивых советов. Голос Феденьки истошно кричал – тормози!. А другой – высокий и незнакомый звучат так же громко и уверенно – газ!

В этот момент Поленька нащупала так правой ногой педаль и бросила на нее всю силу ноги. Падающий велосипед пошел юзом. Его еще круче занесло, развернуло и он боком рамы прыгнул на колонку. Вокруг веером рассыпалось содержимое пакета, расцветив вытоптанную траву и грязную лужу. Удобная ручка подачи воды попала Поленьки прямо в солнечное сцепление, а левая нога запуталась в раме велосипеда. Нога приняла на себя основной удар, поэтому тело плюхнулось, хоть и неудобно, но уже не слишком сильно. Однако на секунду Поленька все-таки отключилась. И тут же почувствовала, как сильные руки извлекают ее ногу из лабиринта велосипеда. Как хорошо, что я надела брюки – подумала скромная девушка первой мыслью. И только потом загадала – мне бы только продышаться.

Поленька хватала ртом воздух и силилась подняться. Над ней склонилось перепуганное лицо брата. И другое – чужое и незнакомое. Полное, ни к месту радостно улыбающееся, окруженное седыми волосами, и падающими из-за затылка торчащими светлыми.

Почему он улыбается – подумала задыхающаяся Поленька и следом – так наверное и выглядят кошмары. Ты не можешь дышать, а кто-то очень близко тебя разглядывает и улыбается полным лицом.

Наконец воздух хлынул в легкие и Поленька закашлялась и поднялась на локте.

Как себя чувствует фройляйн? – услышала она низкий голос.

Спасибо – уже хорошо – вежливо ответила девушка и постаралась ободряюще улыбнуться непривычно бледному брату.

Ну, Полька, ну ты летела – восхищенно протянул следом очнувшийся Феденька. Я уж думал, что эта железная бандула тебе башку снесет.

Незнакомец внимательно взглянул на мальчика и высказался – а вы, молодой человек, похоже имеете некоторую склонность к насилию. Получили удовольствие, когда девушка попала в этот несчастный случай? Ужасники любите?

Что? – покраснел до ушей Феденька, вы думаете – мне Польку не жалко?

Ну, что вы – вмешалась Поленька – у меня хороший брат и он очень меня любит, вы просто не знаете...

А, так это даже ваша сестра? В таком случае, ваш внутренний мир, молодой человек есть еще интереснее, чем я представил вначале.

Феденька встряхнулся от словесного дождя с каким-то явно нехорошим наполнением. Что это он буровит? Похоже, смеется надо мной. А что делают мальчишки, когда над ними пытаются издеваться? Мальчишки дают сдачи.

Эй, вы, а вы то кто такой, откуда взялись? И почему интересно кричали Польке – газ! Когда надо было тормозить!

Потому что, при увеличении скорости заднеприводного транспортного средства, коим и является велосипед, увеличивается давление на поверхность, а значит усиливается сцепка с дорогой. Вы же видели, когда ваша сестра затормозила, велосипед совсем от дороги оторвался. Поэтому и надо было давать газ. Понимаете? Видите ли, молодой человек, я немного физик. Флойляйн, по-моему вам лучше постараться встать. Земля уже не так тепла, как летом, да и дожди прошли...

Незнакомец предложил руку, но Феденька тут же ввинтился между ним и сестрой, невежливо отгесняя чужую помощь и отодвигая ее в сторону. Феденька шмыгнул носом, буркнул неохотно спасибо и – дальше мы сами.

Когда они все, включая велосипед, наконец, доковыляли до дому, Поленька выговорила брату за грубость – он не сделал нам ничего плохого, просто хотел помочь.

На фига нам такие помощники – воспротивился Феденька – ничего то ты Полька не понимаешь. Не нравится мне он – вот и все. Этот мужик, похоже тот, кто дом купил, больше некому. И ты мне не говори – помочь хотел – с такой мордой не помогают.

Федя – как ты выражаешься – ты наверное имеешь в виду выражение его лица?

Ага, именно лицо я в виду и имею – и братец унесся из комнаты.

* * *

А тем временем Нелька активизировала работу по поимке заявленного жениха в свои невестинские сети. Она сама, ее маменька, а также одна молоденькая горничная личиком пострашней, вились вокруг дома господина Мадьярова и около продуктового киоска, в котором он обычно делал покупки. Не забывали они и площадь Магазинов и, конечно ресторан «Золотой». Кроме этого, с единственной сватьей в городе велись переговоры о захвате жениха с помощью ее профессиональных наработок.

В маленьких городках ничего не происходит незамеченным. И Нелькина охота ни для кого секретом не осталась. В таких случаях всегда находятся добровольные сподвижники. И скоро небольшая толпа женского пола оживленно рыскала по городу, кроме Поленьки, которая в помощь по понятным причинам не привлекалась. И даже розыски велись в отдалении от Полиной улицы. Нелька не стала ссылаться в объяснениях на больную ногу подруги. У меня к тебе только одна просьба – не попадайся ему на глаза – откровенно попросила она.

Возможно, у неорганизованной стайки охотниц отсутствовала общая стратегия или умение грамотно рассредотачиваться и еще чего военное толковое, но поставленная цель – жених нипочем не ловился. Стоило Мадьярову появиться на улице и куда-нибудь пойти, как все Нелькины доброжелатели оказывались от него не ближе, чем в нескольких кварталах. Потому, что кто-то перед этим сообщал, что торчать возле дома господина Мадьярова в начале Отводной улицы сейчас бесполезно, так как его только что видели совсем в другом месте города. А когда одна из охотниц заглядывала в продуктовых магазин или в ресторан, то заставляла там уже оживленное обсуждение недавно ушедшего господина Мадьярова. Кто-то удивительно ловко уводил потенциального жениха из-под контроля Нельки и эта ловкость в свою очередь сильно смахивала на стратегию судьбы. Не дано.

Когда визит свахи к господину Мадьярова, не смотря на все ее профессиональные усилия, также завершился провалом, «жених» отказался даже познакомиться с потенциальной невестой, никогда неунывающая Нелька загрустила всерьез. И если в самом начале ловли беготня напоминала ей скорее веселую игру, то так и не осуществленное желание задело за живое. Когда что-то не идет в руки, то своей недостижимостью кажется еще желаннее. Образ единойжды увиденного реального молодого человека как-то незаметно стерся из ее памяти и превратился в объемный символ жениха. Жениха-принца. Неллька почувствовала обиду всех несостоявшейся невест.

Я, наверное, никогда не смогу выйти замуж – горько плакала Неллька. Наконец-то встретила стоящего человека, а он даже взглянуть на меня не желает. Чем же я плоха? Я ведь натуральная блондинка, у меня самая дорогая машина и самый большой дом в округе...

* * *

Поленька не имела привычки глазеть в окна. Или смотреть среди бела дня телевизор. Днем она двигалась: хлопотала по дому, шила или придумывала новые наряды. Лучше всего ей удавались роскошные вечерние туалеты, которые никто не заказывал.

Я же не хожу на службу – рассуждала Поленька – значит должна по восемь часов отработать дома. А то так и засидеться недолго, в домашнюю кочку превратиться. Вот и мама все время твердит – отдохни, да отдохни, не к спеху. Нет, надо работать, а то не по честному как-то. Мои-то пашут.

Но сейчас нога у Поленька болела сильно. И она, потолпившись на кухне с обедом и намяв ее, похромала к приступочкам крылечка. И прихватив с собой шитье, грелась на осеннем

солнышке. Слева от Полины красовалась вполне еще летняя клумбы, справа – кусты отцветшей, конечно, но еще сохраняющие на себе сочные темно-зеленные листья, сирени. В таком приятном природном окружении и работается споро.

Поленька не знала господина Мадьярова в лицо, но когда всех окружающих хорошо знаешь, нетрудно догадаться, что незнакомый высокий молодой человек с длинными, зачесанными назад темными волосами, второй день подряд прогуливающийся по улице и потихоньку разглядывающий старинный дом, он самый и есть. Вот и сейчас вчерашний гость Вербной улицы неспешно по ней продвигался и оказавшись напротив Поленькиного крыльца, сквозь штaketник скользнул по девушке с выставленной вперед забинтованной ногой рассеянным взглядом, тут же отвернулся и искоса уставился на старинный дом. Немного замедлил шаг и пошел дальше.

Приятное лицо – кивнула своим мыслям Поленька – такое серьезное, умное и непривычно бледное. Из этого человека может получиться хороший муж нашей немного взбалмошной Нелли. Он – серьезный, она веселая. Да, из этого может выйти толк. Надо помочь. Ну, поковыляли к телефону.

Делать добро другим людям занятие не только хорошее, но и кармически полезное. Если бы на Полиной улице и дальше толкалась масса народа, новый хозяин старинного дома наверно так и не приблизился к Поленьке.

Спешно вызванная стайка девушек во главе с самой Нелли, показалась на улице в тот момент, когда чугунная калитка напротив приоткрылась и из нее показалась нога в дорогом ботинке цвета топленого молока. Глухая калитка замерла полуоткрытой, нога немного повисела и коротким движением втянулась обратно, а калитка захлопнулась.

Где он? – воинственно кричала запыхавшаяся Нелька.

Только что гулял по улице туда сюда – приподнялась на встречу Поленька.

Девушки прочесали Вербную и все ближайшие улицы и переулки, но жених снова избежал встречи со своей нетерпеливой невестой.

Нелька ворвалась в Поленькин садик и с маху шлепнулась рядом ней на ступеньки. Ушел – вздохнула она. И почему мне так не везет?

Да – согласилась Поленька – сыщик из тебя не очень. Может тебе просто попросить кого-нибудь тебя с ним познакомить?

Сваха уже профессионально удочки закидовала. Хорошо, без имен обошлась. Ну уж нет, тогда уж точно все пойдет насмарку. Не согласна я с Татьяной Лариной и психологами, советующими признаваться мужчинам в любви. Я согласна с Пушкиным, который в этом случае описал мужской неинтерес, думаю – это более жизненно. Когда проявляешь инициативу, весь твой интерес как на ладони. Мужчины любят выбирать сами. Или хотя бы думать, что выбирают.

Поля не стала возражать, что теперешнее положение от «смарки» и так не слишком отличается. Когда положение называется «вилы» то в нем, конечно, работают другие психологические законы.

Нелли поерзала немного на неудобной узкой ступеньке и рывком поднялась на ноги. Ладно, нельзя мне прохладиться. Вот скажи, подруга, какими становятся молодые мужчины после длительных пеших прогулок?

И какими?

Голодными! Мой незнакомый жених, наверно отправится сейчас подкрепиться. Значит и мне надо. И это ничего, что есть мне совсем не хочется, а проглоченный на бегу сырокопченый бутербродиче торчит в желудке колом. Придется еще запихнуть сверху обед. Ведь какая-нибудь чашечка кофе может не устроить меня по времени. Эх, женщины еще и ни на такие жертвы идут, когда хотят выйти замуж. Ну, до вечера – это уже донеслось до Поленьки вместе с деревянным звуком закрываемой снаружи щеколды.

Улица вновь опустела. Поленька покачала головой и склонилась над шитьем. Сборка ложилась легко и выходила ровно распределенной, но Поленька постоянно перепроверяла остаток тканевой полоски и ощущала легкое беспокойство. Так бывает, когда подсознание уже видит ошибку, а сознание ее еще не обозначило. Как при замечательно точно исполненном раскрое, в конце которого выясняется, что на второй рукав ткани почему-то совсем не осталось.

Хм – забеспокоилась Поленька и подняла глаза. Оказывается, из-за штaketника за ней уже какое-то время наблюдает второй на дню незнакомый человек.

Нет, нет – тут же подумала Поленька – его я знаю. Это господин Крафт. Он помогал мне, когда я с велосипеда навернулась

Добрый день – вежливо поздоровалась Поленька.

Рад видеть вас улыбающейся – ответил тот. Как вы себя чувствуете, фройляйн?

Спасибо, уже лучше.

Однако, отек на вашей ноге имеет еще не совсем хороший цвет, а под повязкой дела, наверное, обстоят еще хуже. Я полагаю, вы рано начали на травмированную ногу наступать, нагружать. По-моему, вы еще принадлежите постели...

Поленька, кто это? Рядом с соседом появилась Полина мама. Глаза непривычно жесткие, одна рука держит большой пакет с продуктами, вторая – воинственно подтягивается до упора в бок. Прядь волос выбилась из-под редкого городского явления – дамской шляпки и торчит наперед, как выставленная на врага пика. Никакого сомнения, что последнюю фразу родительница расслышала достаточно хорошо.

А мамам очень не нравится, когда совсем незнакомый, да еще и не слишком молодой человек в первом же разговоре использует слово постель в том или ином контексте. У калитки замерли два человека. Мама Поленьки глядела на визитера в упор. Возникло легкое замешательство.

Ах, да – беззаботно расхохотался Крафт – простите, фройляйн, фрау. Я немного подзабыл, что русские так не говорят. Я только хотел предостеречь фройляйн, тем, что ей не стоит пока вставать. Позволено ли мне себя представить? Я ваш сосед Крафт Сергей Оттович. А вы, наверное...

Да. Я мама этой девушки. Алина Петровна.

А вы?

А я Полина.

Очень приятно – прозвучал один жизнерадостный мужской голос.

На этом месте Алина Петровна, не предупреждая о начале маневра начала решительно протискиваться мимо Крафта в калитку. Тот вынужден был отступить. В движениях Алины Петровны, если и отсутствовал нарочито показываемый вызов, но калитку за собой она захлопнула уже довольно резко, не пригласив гостя войти и не прощаясь.

Она прошла мимо дочери в дом. И тут же последовал ожидаемый зов – Поленька!

Полина, ваша матушка вас зовет. Желаю вам скорейшего выздоровления.

До свидания – попрощалась Поленька и начала подниматься...

Мама, ты придаешь этой истории слишком большое значение – успокаивала Поля минуту спустя расходившуюся Алину Петровну – ничего страшного он не сказал.

Ты слишком молода – отвечала та – и поэтому еще не разбиваешься в людях. Они бывают очень разные, эти проходимцы.

Да почему же сразу проходимец? Вежливый, воспитанный человек.

Вежливыми они тоже бывают.

Мама...

Но Алина Петровна не успокоилась, пока за вечерним чаем не обсудила каждое слово неприятного посетителя и не повелела всем домашним очень внимательно приглядывать за Поленькой.

Да – тянул эхом Поленькин отец – что-то мне это не нравится, что-то мне это совсем не нравится.

Больше всех разозлился, конечно, горячий Феденька – ну ты даешь, ни на минуту оставить нельзя. Даже с больной ногой и за собственным забором ухитрилась попасть в историю. Брат говорил так, будто это сестра, а вовсе не он была мальчишкой – сорви голова и постоянно оказывалась в неприятностях.

Ну погоди, немножко физик, или как тебя там, я тебе устрою, я покажу тебе как к чужим сестрам посреди дня приставать.

А посреди ночи можно? – хотела пошутить Поленька, но оглядела лица рассерженных родных и масло в огонь добавлять не стала.

Семья встала грудью за защиту Поленьки, как бы компенсируя время, когда той никакой защиты не требовалась.

Взволнованные голоса домашних не умолкали до позднего вечера. В конце концов даже Поленька немного рассердилась. Да что вы все такое все время говорите? Ничего же не случилось, совсем ничего!...

Следующий день прошел под знаком обороны обиженной сестры от наглых чужаков приезжих и еще – «меньше слов – больше дела». Мимо Полиного дома курсировала с заходом за оба перекрестка ватага Феденькиных друзей под предводительством самого Феденьки. Ребята двигались как на параде, только медленнее и корчили в сторону старого дома уморительные рожицы, всем своим бравым юным видом выказывая свое «фи». Иногда их стройные ряды смешивались стайкой пробегающих девушек Нелли, увлекая одного – двух пацанов-демонстрантов за собой. И тогда Феде приходилось их окликать – Вовон, куда тебя...

Охота Нелли за Мадьяровым ни для кого в городе, кроме самого Мадьярова секретом давно не являлась. И когда в очередной раз подстегнутая новой информацией Нелли неслась куда-то впереди своих барышень, то ухитрилась столкнуться с самим Федором. Парень быстро отклеился от забора, в который вдавился от Неллиного неожиданного толчка и внес следующее предложение – Слушай, Неллька, кончай носиться, давай лучше выдадим тебя замуж за этого физика, немножко борова.

Неллька спешно затормозила, качнув пышным подолом и прошуршав шпильками по гравию. Он обдумывала все предложения, связанные с замужеством. На полном серьезе обдумала и это.

Не – ответила она, снова набирая скорость – за физика не хочу.

Поленька глядела на весь этот цирк, сидя на крыльчке. Отработанное шествие мальчишек, снующих туда сюда. Бегущая мимо подруга, в связи с отсутствием времени выбрасывающая руку в приветствии. Все лица людей с наружи были оживленные, а движения – суетливые. Лишь она одна спокойно сидела всего в нескольких шагах от бурного уличного движения и молча за ним наблюдала.

Интересно – думала Поленька – а почему мне никогда в жизни не хотелось куда-то мчаться и чего-то добиваться? Почему я такая тормозная, живу степенней бабушек и всегда иду в ту сторону, куда идти проще, ни разу не попробовав встать против потока. Объявив свое желание и борясь за его осуществление, бегая и суетясь. Хоть бы глупость какую хоть раз выкинуть, что ли... Наверно дело в том, что мне никогда ничего вот так «край» не хотелось. Я ведь молодая совсем, а внутри меня никогда ничего не горело – не горит, и наружу не просится. Да. Наверное это уже не просто не активная жизненная позиция, а вообще... Фефела я какая-то.

* * *

Интерес к таинственному немцу, вызванный его интересом к Поленьки сошел через несколько дней на нет. Вот если бы господин Крафт вышел из-за своей железной загородки и поочередно стучая себя кулаками в грудь призвал Феденьку на кулачный бой, в конце которого по мнению руссичей всегда становится понятным, кто прав, а кто зарвался, вот тогда мальчишки знали бы чем им заняться. Но Крафт выбрал привычный ему и совершенно не приемлемый для мальчишек способ разрешения конфликта – отсиживался за железным забором. Первые пару дней у мальчишек еще была надежда вытащить Крафта на улицу во время передачи еды. Должны же даже такие противные люди, как Крафт есть... Но когда из ресторана доставляли обед, то этот обед был сопровождается не только официантом Николаем, но и другим лицом, ответственным по городу за сохранение порядка – сержантом Ерофеевым.

Городское же начальство в лице майора Ефимова назвало ребят в участок и втолковало им, что уже сама их несанкционированная демонстрация носит незаконный характер, а вот порча обеда – это уже покушение на собственность.

Господин Крафт заказывает дорогие обеды и иногда очень дорогие вина. Понимаете? Нет? Вот вы сейчас разгромите его обед, что равнозначно ситуации, когда вы на глазах всего честного народа забрались в карман этого господина и отобрали у него столько денег, сколько стоит этот обед. А если стоимость этого обеда укладывается в минимальную зарплату по России, то это уже на мелкую статью тянет – уголовного, между прочим, кодекса. И все это при условии, если осколок от разбитой обеденной тарелки не вопьется Крафту в кожу или к примеру – в глаз. Тогда утяжелится статья и сдвинется буква закона. Теперь поняли?

Феденька недружелюбно глядя, спросил – дядя Егор, так вы что же, за этого приезжего урода?

Майор крикнул – Я, Федор, – за закон. Крафт этот и мне чужой. Но он гражданин России и я обязан помнить о его правах. Хорош бы я был, если бы сам решал кого защищать, а кто обойдется. Тебе самому понравился бы такой защитник – майор милиции?. То то и оно...

Они помолчали. Потом Ефимов спросил – слышь, Федор, а он действительно к Поленьке приставал?

Мать своими ушами слышала.

Да... Сестра твоя не просто девушка двадцати четырех лет... в общем, она сама наше городское достояние. Новичок об этом может и не знать. Договоримся так – сейчас я из города уеду – до вечера. Можете с этими вашими манифестами продолжать маршировать. Но ничего не ломать, на чужую территорию не вторгаться и прическу дяде не портить. Может человеку, особо приезжему и стоит объяснить как обстоят дела, но дятлом при нем тоже не стоит становиться. Завтра все демонстрации прекратить. И еще... Если господин Крафт в ответ на ваш протест сам хоть что-нибудь в ответ выкинет, я хочу узнать об этом первым. Договорились?

Тот конфликтный обед был Крафтом спокойно скушен. Правда «приятного аппетита» ему довольно громко пожелали из-за забора многочисленные юные голоса и даже объяснили почему. Но сильно господину не досадили.

На следующий день Феденька с друзьями вернулись к своим неотложным мальчишеским делам, в списке которого первым номером стоял визит в сад деда Сереги по молочно-красные яблоки сорта «Мельба». И на улица как будто воцарилось спокойствие. Ни мальчишек, ни самого Крафта.

Господин Крафт, как взрослый человек не мог, очевидно, не понимать, что именно эти обеды и являются тем слабым для него звеном, которая открывает брешь в его железном заборе. Однако, он вряд ли предполагал, что все тот же обед окажется следующим косвенным участником его очередного конфликта с городом.

Обед, как было известно всему городу, ежедневно доставлялся Крафту в три часа пополуночи из ресторана «Золотой» высококвалифицированным и даже потомственным официантом по имени Казимир. Казимир втискивал поднос с горячей едой под закрытыми крышками

и подогретыми тарелками в нишу забора на высоту своего роста и спокойно отбывал на своем старом пикапе обратно в ресторан. Посуду он забирал из той же ниши поздно вечером. Хозяин ресторана Петр Никодимыч умел подбирать кадры и работать с людьми. И Крафт был вполне доволен обслуживанием.

Где-то спустя неделю после столкновения Феденька-Крафт, официанту Казимиру позвонил из Свердловска его старый армейский друг и пригласил на свадьбу.

Казик, приезжай – звал друг – сто же ж лет не виделись. Да и вообще, сколько ж можно работать. Небось, один – то отпуск за пять лет тебе положен? Предлагаю тебе провести его в славном городе Свердловске. Мы с Наташкой отбываем в свадебное путешествие на Каир на две недели, потом еще пару недель у ее родителей в Волгограде прогостим. Квартира останется в полном твоём распоряжении. По музеям походишь, город посмотришь. Наташка моя наш медицинский институт заканчивала, если чего по здоровью надо – пособит, а подруга ее в нашем имени Луначарского театре оперы и балета – не последний человек контромарок тебе достанет, хоть каждый вечер арии слушай. Может там с какой красавицей познакомишься. Я так понимаю, в твоём городе подружки ты себе за столько лет не нашел. Значит, ее там и вовсе нету...

Казимир поездкой загорелся, пошел к Петру Никодимычу отпрашиваться. А тот морщится – Казик, я все понимаю, ты прав, конечно, отдохнуть хоть иногда надо. Ну, а мне-то что делать, прикажешь? Где я тут приличного официанта раздобуду? Мы ведь с тобой договорились. Ты в отпуск не идешь – я тебе за месяц тройную зарплату. Да... Слушай, вот на брата тебя заменить – на это я согласен – надеюсь ему уж можно вернуться, успокоился уже за столько то годов. Я половину твоей работы по другим раскидаю – брата под завязку не загружу. Заодно отдохнет дома-то, со всеми повидается, давай, звони.

Род Казимира и Эдуарда братьев близнецов велся от их прапрадеда, который служил еще до революции половым в их зареченской гостинице. Городская гостиница не бедствовала никогда – соседний в пятнадцати верстах уездный город был центром торговли этих мест. Туда съезжались купцы окрестных населенных пунктов и крупные землевладельцы, и часто останавливались на последнюю ночь в их спокойном городке, а утром как раз попевали к открытию ярмарки.

С тех давних пор все мужчины в роду Казика и Эдика становились потомственными официантами, у которых считалось особым шиком так обслужить посетителя, что б он не только сытым из заведения ушел, а согласно старым традициям и отдохнувшим – обласканным. Не так то это и просто изо дня в день про себя забыв, чужим людям улыбаться и приятные вещи говорить. Настоящий официант должен не только легко, словно это ему ничего не стоит удерживать перед собой на трех пальцах поднос – тяжеленный обед о нескольких блюдах, но и показать гостю, что он здесь исключительный и обожаемый и именно его одного только и ждут в ресторане с самыми распростертыми объятиями.

А если у тебя самообладание плохенькое и не тянешь ты правильно посетителей обслуживать, так надо работу менять, а настроение людям за их же деньги нечего поганить.

В конце концов в их роду вывелась идеальная порода официанта – прихотерапевта-подавальщика, которому ничего не стоило не только быстро и правильно оценить достоинства-недостатки сидящего перед ним человека, наличие у него болезней желудочно-кишечного тракта, склонности к алкоголю, выверенное настроение на данный момент, но и произнести именно те слова, которые успокоят человека и стопроцентно помогут ему вернуть самообладание и радость жизни. И сделать это легко с ненавязчивой улыбкой на лице.

Их прапрадед так говорил – вы, ребята эту свою глупую стеснительность бросьте, все, кроме царя, все одно люди подневольные. Так и нечего тут гордиться... А как дело до голода доходит и с министра блеск враз облетит. А мы сами не парим, не жарим, а голодными не останемся, опять же дело с наличностью имеем. А зазорность в нашем труде только дураки

видят. Ну и пусть – конкуренции меньше. Работай, ребята, ни на кого не глядя и всегда в порядке будете.

Братся к работе официанта готовили себя со школы. Предметам математике и английскому уделяли повышенное внимание. Ну, математике, понятно почему. Все денежные расчеты официант должен молниеносно в уме производить, не рассчитывая на калькулятор. А язык помогал развивать память. Что это за официант, который перечень из семи заказанных блюд в голове не удерживает, в гарнирах путается. Нет, официант должен, не промаргивая запоминать и в глаза человеку смотреть, когда блюда рекомендует, а иначе у посетителя сложится впечатление, что его черте чем накормить хотят, потому и глаза прячут.

Первый год после школы работали Казимир и Эдик, как часы, без единого срыва, как будто опыт общения с посетителями всю жизнь по крупнице собирали. Петр Никодимыч их по плечам похлопывал, хвалил – в вас даже не сомневался.

А потом с Эдиком что-то случилось. Обозвал его раз за здорово живешь, набравшийся ключей местной водки командировочный, в лицо халдеем, а Эдик не долго думая развернулся пошире, да и дал своим совсем не хилым кулаком прямо в пьяную посетительскую физиономию.

Силой удара и инерцией пьяной туши оказался сильно обеспокоен соседний столик. Точнее говоря, от обоих столов и трех стульев остались отдельные фрагменты, от посуды – сплошной бой, а спокойно ужинавшего бухгалтера отдельного скобяного производства пришлось буквально отклеивать от несущего конструкцию ресторанный столба.

Стоимость поломанной мебели из зарплаты расвирепешего официанта, конечно, высчитали, но никто, даже хозяин его не отругал.

Однако после этого, по меркам ресторана непрофессионального, но не грандиозного происшествия, Эдуарда начали поддразнить уже свои, местные, а он почему-то позабыл все унаследованные навыки работы с людьми и все тем же кулаком, иногда тарелкой, а то и подносом довольно точно трескал хохмача по бошкам. Обычно этим единым ударом дело не заканчивалось, а начинался очередной ресторанный погром.

После последней вовсе не шуточной свалки, Эдика вызвал хозяин. Не выказывая личного отношения к его поведению, Петр Никодимыч сказал – работать тебе здесь не дадут – это уже ясно-понятно. Другой специальности у тебя нет. Поэтому я договорился насчет тебя с Вересовым, знаешь такого? Будешь работать у него в заведении. Справишься?

Эдик коротко кивнул и в тот же день отбыл в тот самый бывший уездный город, в котором до революции работала постоянная ярмарка.

Вот этого именно Эдика, брата Каземина и предлагал вернуть ему на замену хозяин «Золотого».

Вскоре все разрешилось лучшим образом. Казимир отбыл в Свердловск, Эдуард вернулся на побывку и на работу в родной город, а Петр Никодимыч получил замечательную замену и возможность проверки правильности тогдашнего своего поступка – удаления парня из родного города своей хозяйской волей.

В день возвращения Эдуарда в ресторанный бизнес, хозяин ресторана отсутствовал, главный повар был весь в делах, поэтому он сунул Эдику поднос с обедом и чек с адресом и унесся принимать ящики с зеленью. Никаких объяснений новенький не получил.

Эдуард минута в минуту в пикапе брата доставил благоухающий аппетитными ароматами обед. Поколдовал над ним немного – аккуратно вынул поднос с закрепленными блюдами из багажника, убрал фиксатор, поправив чуть съехавший к салату пустой бокал, ну и конечно стряхнул салфетку, прежде, чем повесить ее на левую руку. Потом он добрался до калитки и начал искать звонок на звери. Звонок нашелся в некотором отдалении от калитки. Эдик, легко удерживая поднос в проффсстойке, вызвал на лицо любезную улыбку и принялся давить

на кнопку. Со стороны дома никакого движения не наблюдалось, а прошло тем не менее уже несколько минут.

Не иначе не исправен – отвел Эдик руку от бесполезной кнопки и покрутившись у калитки, негромко позвал, сверяясь со счетом – господин Крафт! Нет ответа. Эдуард позвал погромче. Тот же результат...

Кончилось это тем, что десять минут спустя несчастный парень, ежесекундно дотрагиваясь наружной стороной ладони до крышек катастрофически остывающего обеда, начал грохать фирменными ресторанными сапожками по металлическому забору. Он уже не только онемевших пальцев не чувствовал, но и всей левой руки. Да где же хозяин!

Еще через пять минут в приоткрывшейся калитке появилась растрепанная голова Крафта и раздался его возмущенный голос – в чем дело?

Господин Крафт, здравствуйте. Я доставил ваш обед – в свою очередь очень стараюсь оставаться профессионалом – ответил официант.

Так какого... – калитка еще немного приоткрылась и Эдуард ринулся доставлять обед до столика голодного заказчика.

Крафт от тяжелого подноса отскочил, а Эдик красиво, но уже из последних сил удерживая его перед собой и двигаясь перебежками с наклонами с каждой секундой все ближе подходил к распахнутой двери холла.

Стой! – заорал Крафт, с трудом поймав равновесие и кинулся следом.

Эдуард, которому гордость не позволяла перехватить поднос правой рукой или ухватиться за него обеими руками, уже просто мечтал от тяжести избавиться и останавливаться, разумеется, не пожелал.

На самой последней секунде Крафту удалось обогнать свой обед у самой двери и захлопнуть ее перед самым носом незваного гостя.

Эдик так хотел оставаться профессионалом...

За то время, пока парень, грохоча по железу на всю улицу вызывал заказчика обеда, на некотором расстоянии от калитки собралась приличных размеров толпа. Но когда действие неожиданно переместилось вглубь двора, в калитку полезли любопытствующие. Кроме интереса к конфликту, людям хотелось еще поглядеть на двор дома, всю жизнь открытый для их глаз и теперь упрятанный новым хозяином дома.

Оживленный шепот озирающихся, проникших в чужое владение людей вконец разозлил хозяина. Вег! Вег! – слышали люди его рев.

Бедному Эдику так и не удалось избавиться от подноса, правда после толчка вставшего поперек двери хозяина, он стал легче, предметов на нем поубавилось и не осталось ни одной высокой объемной крышки.

Официант, даже не по своей воле растерявший половину добра, разве это настоящий официант?

А вокруг, как назло столько народу! Эдуард пятился к выходу, вцепившись обеими руками в поднос. Обеими! Эдуард глядел на Крафта не с испугом, а с ненавистью. Сколько ж на свете плохих людей! Только успевай отряхиваться. Так и рыщут вокруг, так в глаза и лезут. Увидят человека – не их поля ягоду, подойдут, да и отнимут... У кого – жизнь, у кого – кошелек. Да это страсть, но эту обработку всем видать, а бывают такие тихушники, как этот вот мордатый. Сам же заказал, зазвал, а как обидел... Не кошелек забрал – нет. Выказал перед всеми неумехой. Мастерство украл. Гад!

Эдик сидел в белой ресторанный амуниции «под старину» прямо на пыльной траве, привалившись к фундаменту изгороди из профнастила. Вокруг гудела возмущенная толпа. Такой, сякой, расстакой!

А что это он орал-то такое, бабоньки? – поинтересовалась молодка, живущая на другом конце города.

Дак это он нас по ихнему матом крыл...

В толпе послышались смешки. Привыкшие к унижениям русские по привычке трансформировали оскорбление в единственно допустимый вариант ответа, позволяющий сохранить достойное лицо – защититься смехом.

Смех этот, входящий в разрез с настроением официанта Эдуарда и заставил его очнуться. Он рывком поднялся с травы, одним резким движением отряхнул брюки и сплюнув, зло спросил – ну и чего ржете? И воще – кто этот мужик? Как мог город продать свой самый знаменитый дом неизвестно кому? Мэр вертит, куда хочет. А вы куда смотрите? Разве этот не ваш город? А?

Никто Эдику не ответил. В отношении к толпе, первый часток кол любых воинственных вопросов можно выдвигать совершенно безнаказанно. Прежде, чем отвечать, люди должны знать, куда точно гнет трибунный критикан и не поймает ли их на какой путанице и не поведет ли куда кривой дорогой.

Я вас спрашиваю, что это за заказчик, который сперва вызывает официанта, а потом изгаляться начинает. Я обед на стол перед клиентом поставить должен, это моя работа. Это почему ж я войти не могу? Что он такое, спрашивается, в доме прячет, что даже в холл заглянуть нельзя? А? Это что еще за тайны мадрицкого двора, что б прям перед самым носом у трудящегося человека дверь захлопнуть, всю посуду ему переколотить и вон отправить? Это на фига ж он к нам приехал, если с нами по человечески жить не хочет? Да... А вы только глазами хлопаете. Тайны-то они разные бывают. А если он у нас бомбу какую мастырит, от которой от города вскорости один котлован останется? Да в этой старой громадине несколько ракет земля-воздух спрятать, а нечего делать...

Знаешь, парень, ты уж прости, но таких агитаторов мы слыхали. И нечего нас тут срамить. Коптев и твой родной город. Вот возьми да и узнай, чего этот немец учиняет и какие у него тут тайны запряты, а языком мы тут все болтать горазды.

А что, и узнаю...

Вот и давай, ветер тебе в спину. А если немчура этот не шизик, а и в самом деле чего темнит, так уж тут мы в твоём полном распоряжении. Да и Ефимову сказать надо бы. Все-таки власть, может и от него какой толк будет. Станный этот немец, верно, давно надо бы Ефимову к нему приглядеться. Да...

Эдуард отбыл на пикапе брата, подняв кучу пыли. В некотором отдалении от толпы стоял, сложив руки на груди другой городской новичек – господин Мадьяров. На лице молодого человека застыло серьезное выражение. Иногда он делал решительный шаг вперед и будто порывался высказаться, но потом отступал обратно и так ничего и не сказал. Господину Мадьярову очень мешала поленькая шустрая блондиночка, стоящая на фоне остальных спин к нему лицом и будто совершенно не интересующая происходящим и не разделяющая обеспокоенность других людей. Девушка ловила взгляд молодого человека и улыбалась дурацкой зазывной улыбкой.

Какая настырная особа – подумал Мадьяров и, стараясь не встречаться с девушкой глазами, повернулся и был таков.

Через несколько минут после отъезда официанта Эдика, в гостиную к Поленьке влетел брат – Польшка, дай мне денег на «глиссе».

На что? – переспросила Поля.

На ресторан – нетерпеливо разъяснил брат. Хочу кофе с мороженым попробовать. Имею право?

Имеешь – улыбнулась Поленька, возьми в моей сумке кошелек, да не шикуй сильно. Нам на эти деньги еще до конца недели жить.

Феденька унесся раньше, чем приземлилась на пол опустошенная и отброшенная сумка.

Вот сорви голова – снова улыбнулась Поленька. Поднялась и похромала поднимать валяющуюся кверху ногами сумку и собирать ее содержимое.

* * *

А на следующий день Эдик пропал. Канул. Провалился. Испарился.

Утром он не вышел на работу. В этот день мэр давал в ресторане обед для мэров соседних городков. Мероприятие официальное. Мэр, как всегда надеялся на высококлассное обслуживание. Петр Никодимыч обещали расстараться. За три часа до начала торжества, за Эдуардом послали уборщицу. Та доложила, что того нету дома. Пикап стоит на обычном месте под угловым окошком, а дверь не заперта. Что в общем-то ни о чем не говорит, так как многие горожане и до сих пор лишь на ночь запираются, да и то, если не забывают. Толковая посланница провела маленькое расследование и выяснила, что эдикова постель заправлена вероятнее всего с вечера, обе зубные щетки у рукомойника – сухие, а остатки еды в сковородке и отсутствие немой чашки из-под кофе говорят скорее об ужине, а не о завтраке.

Спешно вызванный Ефимов немедленно явился со своими орлами и приступил к детальному опросу всех подряд. Выяснилось, что вчера пропавший официант работал в первую смену и вечером после работы его не видела ни одна живая душа. Последним же клиентом пропавшего был мальчик Федор, которому в тот день, по его словам приспичило попробовать кофе «глиссе». Когда на мальчика аккуратно поднажали, выяснилось, что конечной целью Феденьки являлось не распивание кофе, а предложение дяде Эдику своей помощи в деле расшифровке подозрительного соседа, которого, как всем известно, мальчик не одобряет, а говоря еще точнее – терпеть не может.

Ефимов от внимания прищурил карий глаз и задал пареньку еще несколько вопросов на ту же тему, но по всему выходило – нетерпимость мальчишки к соседу построена на эмоциях, а не является реакцией на противоправные действия последнего. Предложение же помощи пропавшему официанту желаний сотрудничать у того не вызвала.

Парень, давай не торопясь допивай кофе и возвращайся домой. И Феденька ушел...

Но мы с Вованом – Федор решил колотиться до конца – полночи за немцем наблюдали, но...

Никого там не видели – продолжил за него Ефимов.

Да, но мы просто немного того...

Задремали – снова досказал Ефимов.

Ну да, черт побери – это все Вован. Давай посидим немного, давай посидим, я же знал, что садиться нельзя...

В общем, если там и была какая ночная заваруха, то вы все проспали – покачал головой Ефимов. Ну, ладно, не расстраивайтесь вы же еще маленькие. Вот повзрослеете и научитесь по ночам не спать.

Обиженный Федор аж взвился на стуле и чубчиком затряс. Может мы и проспали немного, но все не проспали. Вот вы слышали что-нибудь ночью?

Привычка Федора нападать, когда его в чем-то притесняют или не принимают в серьез, сработала и сейчас.

А что я должен был слышать?

Значит ничего не слышали, а ваши подчиненные – дежурные по городу разве вам тоже ничего не докладывали? – в лице Феденьки прибавилось ехидства

С майорского лица сползла улыбка – уси-пуси. Хм. Ладно, хорош. Рассказывай, что проворонила доблестная городская милиция и не пропустил маленький мальчик Федя.

Еще раз маленьким обзовете, ни слова не скажу.

Извини – покладисто согласился Ефимов – больше не буду.

Звук этот – начал Федор я очень отчетливо слышал, несмотря на то, что Вован храпел. Точнее, звука было два. От первого я...

Проснулся.

Ну, да.

Вспомни, пожалуйста, на что этот звук был похож? Глухой он был или звонкий. Дерево о дерево, метала о металл, а может кожа о воду?

Нет – тянул Федор – хлопнуло так резко и совсем не тихо. Вот я иногда дверцей в нашем старом «Москвиче» бабахну, когда тороплюсь – отец ругается – чего так громко. Только этот звук немного поглуше был, но такой же, как впопыхах.

А может это на соседней улице кто бидон уронил – в уголках рта капитала пряталась улыбка.

В два часа ночи?

Хорошо, ты сказал – звуков было два. Второй, наверное, на пистолетный выстрел походил. Правильно я угадал?

А вот совсем и не правильно. Второй звук намного тише был. Если бы я еще дрых, я бы его и не разобрал. Таких звуков на улице не услышишь. Такой он, как влажный что-ли. Если взять много-много мокрого белья и по другой куче мокрого белья хлеснуть. И что бы обе кучи – как из кипятка.

Понятно, а больше ты ничего не слышал и не видел? Это точно все? Ну, хорошо. Я понял. Если еще чего вспомнишь, приходи.

Федя вышел на крыльцо братьев близнецов, а Ефимов в это время говорил сержанту Ерохину – чушь какую-то пацан несет. Если мы это дело скоренько не прикроем, то скоро все городские пацаны начнут в сыщиков играть. Тогда беспорядку не оберешься. Наши всегда будут все беды на этого немца вешать. Богатый и чудной. Чужак опять же. Но мы-то с тобой Ерохин власть – нам по стереотипу думать, а тем более работать нельзя. Да и просто это как-то, как-то уж слишком наружу. Два человека вечером повздорили, той же ночью один другого приплепнул... как одну кучу мокрое белье о другую кучу... А где – спрашивается – мотив? Этот немец с официантом мог вообще никогда в жизни не встретиться. Здесь есть сразу две случайности, в которых Крафт не играет. Эдик вернулся в город не по воле Крафта и не по воле Крафта привез ему домой обед. Да, если бы этот немец захотел от него избиваться, ни о каких конфликтах между ними никто и не услышал бы. У этого Крафта не только деньги есть, но и голова явно хитрое варит. Такие как он так глупо людей не косят. Нет и нет. А сдается мне, знаешь что? И уж не в первый, между прочим, раз. Что кто-то под Крафта того потихоньку копает, потому как зарыть его глубоко хочет. Вот этот кто-то случайными стечениями обстоятельств вполне мог воспользоваться. У нас ведь еще один новенький в городе имеется. Да и разговор один у нас с мэром об этом господине Мадьярове по его приезду состоялся... Так что мы с тобой Ерохин, на Крафта-преступника не поведемся. А вот с Мадьяровым познакомиться поближе – это наше. Наружку за ним круглосуточно, а телефон – на прослушку – чай не в столицах живем, нам прокурорская писулька без надобности. Пусть на телефонном узле Мадьяровский номер на наш участок запараллелят. Пошли Борьку угрюмого – он болтать не станет. Надо бы еще запрос послать – пользуется ли Крафт мобильной связью. А Эдика нашего искать, конечно, и дальше будем. Только попомни мои слова, Ерохин, не найдем мы его. У меня на эти дела – чутье.

* * *

Боль из Полиной ноги уходила, как и положено приличной боли. Приложила ногу хозяйка – пик боли. Организм хозяйки ногу лечит. И боль – показатель неполадок затухает по равномерной дуге. Сегодня тише, завтра еще тише. Ну если, конечно, в срочном порядке еще чем тяжелым по больному месту «не приласкать».

Накануне вечером Поленька чувствовала себя вполне нормально, даже проехала немного на велосипеде – клиентке наряды вручить. Но на следующее утро боль вернулась – не такая сильная, как в первые дни, но забыть о себе не позволяла. Перегрузила вчера – подумала Поленька и, сократив домашнюю работу до минимума, снова осела на приступках крылечка.

Новая работа только завтра появится, а раз простой – надо бы новинки моды осмыслить и в какую сторону она капризуля, дальше двинется.

Боль процессу осмысления мешала сильно. Поленька впустую шуршала журналами, укладывала и перекладывала ногу, но место ушиба будто кто-то глодал с голодухи..

А тут еще визитеры замучили. С утра домашние трудно из дому уходили – все боялись ее одну оставлять. Потом бабушка явилась, вплела свой куплет в старую песню – велела от соседа подальше держаться. Только что Неллька наконец удалилась, полдня мнимыми страданиями промучившись. Знала бы Неллька, как сильно у ее подруги нога разболелась. Но с людьми негостеприимно обращаться нельзя. Не за тем люди к Поле приходят. Бабушка часто напоминает про крест, мол каждый свой крест носит. В ее семье, например, отец на тяжелой работе надрыгается едва ли не каждый день, включая выходные. Мать пригласили на два месяца на работу в новое ателье. Она и сама говорила, это скорее всего, для рекламы – хорошо известная местная портниха – сотрудница. Матери совсем не нравится, как там продукт гонят, поэтому она там не ко двору и спустя два месяца ее скорее всего потихоньку спровадят. А все равно пошла – хорошо заплатить обещали. Феденька – мал еще, а уже бьется. Свои мальчишеские дела решает, о будущем задумывается. Так что ее жизнь по сравнению с другими – сплошное удобство, нечего тут жаловаться.

Поленька осторожно потерла больное место и скривилась. И тут же услышала голос –
Здравствуйте Поленька!

Еще один визитер.

А, здравствуйте, господин Крафт!

Зовите меня Сергеем Оттовичем.

Добрый день, Сергей Оттович.

Я вижу, Поленька, что нога у вас сегодня снова разболелась, а знаете почему?

Да я наверное, вчера на велосипеде...

Верно, но не только поэтому. Несмотря на синее небо и яркое солнце над нашим городом скоро прольется дождь. Сильный дождь, ливень. Ваш свежий ушиб ноет от ожидаемой непогоды.

Поленька невесело улыбнулась. Значит теперь я, как собачки и кошечки смогу предсказывать погоду?

Нет, фройлляйн, ни животные ни птицы погоду предсказывать не имеют.

Разве? А я думала...

Нет. Они реагируют на уже свершившийся факт – изменение атмосферного давления. Перед дождем оно падает. Достаточно иметь дома самый простой барометр, что бы стать такими предсказателями, как птицы, парящие в воздушных потоках низко, близко к земле. Ну, ничего, ничего, вы еще очень молоды. На вас все зарастает...

Как на кошках и на собаках.

Верно, если позволительно провести подобное сравнение с такой прекрасной девушкой. И я... я рад, фройлляйн, что вы по-прежнему дружелюбны и вчерашняя шумиха не изменила вашего отношения ко мне. Моя молочница, к примеру, сегодня утром меня ужасно дичилась. И если барометр показывает приближение природного ненастья, то это дама молочница предчувствует в отношении меня общественную грозу.

Ну что вы, Сергей Оттович – думаю так далеко дело не пойдет. В нашем городе живут хорошие люди. Они что называется вспльчивы, но отходчивы. Вчера подрались – сегодня лучшие друзья. Так что, вам по поводу недоразумения не стоит особо переживать. Наш город – невелик и новостями небогат, наверно, поэтому когда здесь хоть что-нибудь случается, люди придают событию чрезмерное значение. Но скоро все и всегда утрясается. Пройдет и это. Вот увидите.

Спасибо, Поленька, вы меня сильно утешили.

* * *

Когда Поленька привычно оказывала моральную поддержку соседу, она еще не знала о пропаже Эдуарда. А когда узнала – как-то ей стало немного не по себе. Ну, а если бы Сергей Оттович сейчас ко мне подошел – спросила сама себя Поленька, я что, как тетя Ньюша-молочница вместо «здрости» дичиться бы начала и при первых его словах с приступок укувыляла? Человека и так в переделку втянули, да еще в чужом городе, где у него ни родных ни близких. Ну давайте теперь все начнем от него бегством спасаться. Кому-как, а мне с больной ногой не больно-то и сбежишь. Да и вообще, глупости все это.

* * *

На следующий день, ближе к обеду, который доходил, томился у Поленьки под теплой юбкой типа «телогрейка» раскрасавицы куклы собственного производства, Поленька спустилась на приступочки. Постелила домотканый пеструшку коврик на еще не просохшие от дождя доски и осторожно присела.

Феденька с друзьями торчали одновременно снаружи и внутри садика и делали вид, что ремонтируют мотоцикл одного из друзей – толстяка Вована. Мотоцикл у Вована больше двух дней кряду никогда не ездил и Феденька немного зло проходил по фигуре друга. Ты не только мотоцикл, но и танк своими окороками развалишь. Все жуешь и жуешь.

Вокруг по обе стороны распахнутой калитки валялись запчасти вперемежку с инструментами. Сам Феденька и трое других ребят вымазанные маслом, как чертенята чем-то звенели и стучали, а Вован, возвышаясь над ними горой, по хозяйки взирал на своего разобранного железного друга и совершенно чистыми руками уминал огромный бутербродище, основанием и верхом которого являлась половина батона.

Феденька торчал дома со вчерашнего вечера, уже через пару часов прознав об очередной беседе Польки с соседом. Весь вечер и все утро Феденька опять ругал ее, как на маленькую девочку.

Ну, надо же – думала Поленька – откуда только узнал – мы и говорили – то не больше пары минут, да и поблизости ни единой души не было. Нет, я, конечно, врать не стала бы, но все же интересно.

Да с какой стати ты встал на мою защиту – увещала Поленька Федора – меня разве кто-то обижает? Да и вообще, что я тебе ваза стеклянная?

Ты Полька не понимаешь ничего, вот и молчи. Попросят тебя по человечески не болтать с этим немчурой. Так ты и не болтай. Вот и все.

Да с какой стати ты на него так ополчился? Он что тебе что-то плохое сделал?

Фактов у меня против него нету. Это точно. А только он в пропаже дяди Эдика точно виноват. Чую.

Да с чего ты взял?

Я когда с дядей Эдиком в ресторане говорил, сразу понял, что он непросто нашим обещал узнать про этого немца, а что он прямо этой ночью к нему и пойдет. Да и звуки эти ни на что непохожие. Эх, проспали мы дядю Эдика. А все Вован этот жиртрес...

Знаешь, Федор, ты бы лучше в казаки-разбойники играл.

Нет, ты погоди, вот увидишь, на чьей стороне правда будет. А пока тебя по человечески просят – не говори с немцем, а пройдет мимо – отвернись – вот и все.

В этот день Сергей Оттович своим визитом Феденьку не нервировал, зато другими визитерами Поленька обделена не была. Стоило мальчишкам нагрузиться на Вованов мотоцикл с целью проверки его работы на ходу и скрыться за поворотом, как перед Поленькиной калиткой, как из-под земли появился посетитель – господин Мадьяров. Он встал к Поленьке боком, так что бы ему хватило небольшого поворота головы для появления в поле зрения старинного особняка, точнее забора, окон второго этажа и крыши.

Начал господин Мадьяров не слишком оригинально – простите, вы не подскажете, который час?

Поленька которая сразу поняла, что время молодого человека не слишком интересует, подавила вздох, и стараясь не слишком хромать поднялась и поковыляла в гостиную. Через минуту она вернулась, спустилась на пару приступочек и достаточно громко объявила – половина второго!

Мадьяров вздрогнул, как лошадь всем телом и переспросил, ошарашено уставившись на Поленьку – что?

Полине пришлось объяснить – вы спрашивали время, сейчас половина второго.

Ах да, спасибо – ответил Мадьяров и снова удалился в ступор.

Ну, надо же подумала Поленька – такой молодой, а нервная система прямо никуда не годится. Она рассмотрела его повнимательнее – лицо красивое в варианте – смазливое, только бледное очень, сердито нахмуренные брови, а обе складки между ними – не складки даже – борозды глубокие. И вид такой – какое бы слово подобрать, капризный, что ли. Как у ребенка, которому все не по нем.

Глубоко задумавшийся Мадьяров остался торчать у калитки, а Поленька потихоньку удалилась, что бы ему не мешать. А то еще скрипну чем, а он опять подскочит, пусть уж самостоятельно вернется оттуда, куда ушел.

Когда она через час снова выбралась на улицу, Мадьярова у калитки уже не было, за то в этот момент к ней подходил майор Ефимов собственной персоной.

Поленька, здравствуй.

Добрый день.

Как поживаешь? Как нога?

Ой, а вы откуда знаете?

Милая моя, в нашем-то городе, да о несчастных случаях я должен знать все.

Спасибо, мне лучше. А вы, извините, просто так заглянули, или случилось что?

Поленька, вот что мне в тебе нравится, это твоя откровенность. Другой, темнит, темнит, крутит, так и не поймешь – и чего приходил, может чего сказать хотел, а с тобой одно удовольствие разговаривать – никакого туману. Все просто и ясно. Да, кое-что случилось, да ты уж знаешь, наверное – официант из «Золотого» пропал.

Слышала.

Ты знаешь об этой истории что-нибудь, чего не знаю я?

Поленька улыбнулась – а что вы знаете?

Немного. Я пока только вопросы задаю. Не возражаешь?

Нет, конечно, только боюсь я вряд ли чем помогу.

Скажи, пожалуйста, ты с соседом напротив, с Крафтом Сергеем Оттовичем знакома?

Пару раз говорили...

Ну и как он тебе?

Да, по-моему нормальный человек – вежливый, воспитанный и еще очень образованный.

Вот и я говорю – удовлетворенно кивнул Ефимов – а скажи мне, а другого приезжего по фамилии Мадьяров ты тоже знаешь?

Нет, этого совсем не знаю, видела только.

Ну, а первое впечатление? То же нормальный, вежливый?

Мммм... Поленька замялась.

Можешь не отвечать – я понял, прервал Ефимов и помолчав, добавил – вот и я говорю. А при каких, собственно говоря обстоятельствах вы с Мадьяровым познакомились?

Нет, мы не знакомы. Просто он подошел к калитке и спросил – который час.

Что, прямо к тебе заявился?

Думаю – он просто мимо проходил.

Интересно, интересно. И ты сказала ему сколько времени?

Конечно, сказала.

И это все?

Да. Но вы знаете, я не хочу, чтобы вы подумали, что мне этот господин каким-то сумасшедшим показался. Просто он таким задумчивым был, весь в себе, поэтому немного странно выглядел. Вот и все.

Задумчивым, говоришь... вот и я так думаю, что ему есть над чем подумать. Ну, ладно, Поленька, пойду я. Приятно было тебя повидать, светлая ты наша головушка. И знаешь, что, держись ка ты подальше от всех этих приезжих. Люди новые, кто их по первости разберет. Договорились?

Ну, вот – подумала Поленька, улыбнувшись Ефимову на прощание – и власть туда же, мало мне домашних. А к калитке уже несся на мотоцикле Феденька. Мотоцикл еще не успел закончить пыльный вираж, а брат уже кричал, перекрикивая ревуший движок:

Чего – Ефимов приходил? – не иначе про немца спрашивал.

Если он кем и интересовался, так вовсе не немцем, а господином Мадьяровым, так по – моему.

Да, ладно.

Серьезно. А вообще посоветовал от них обоих подальше держаться. Только зря он так. Господина Мадьярова я совсем не знаю, а вот Сергей Отгович очень милый человек.

Ага, милый. Полька, тебе в сотый раз русским языком толкуют – не смей!

Да что же это такое, в самом-то деле! Что я такого нехорошего делаю? И кто у нас тут старший. Ты или я?

* * *

На следующий день первым на улице появился Мадьяров. Но Поленька еще хлопотала на кухне и его не видела. Зато следом за Мадьяровым явилась Неллька и закричала страшным голосом еще у калитки – Поля!

Полина выскочила на улицу, забыв про ногу, за что немедленно поплатилась.

Ооой. Неллечка, что такое?.

Он здесь. Неллька прижала руки к груди и закатила глаза. Я знала, знала, что мы когда-нибудь встретимся.

Полина едва разобрала ее шепот. Фу, ты меня перепугала. И где он?

Неллька снова затарашилась, глазами и бровями указала направление.

Мадьяров неспешно вышагивал по улице, направляясь явно к ним. Сегодня лицо его не было таким бледным и даже приобрело более осмысленное выражение.

Здравствуйте – с Поленькой Мадьяров поздоровался, как со старой знакомой. Нелли вовсе не заметил.

Здравствуйте – вежливо ответила Поленька.

Здравствуйте, здравствуйте – заверещала Неллька дурным голосом и выдвинулась на передний план. Что дальше сказать, она пока не придумала.

Мадьяров поглядел сквозь Нелли на Полину, потом – на клумбу, уделил должное внимание штaketнику, разглядывая на нем облупившуюся коричневую краску и даже поскоблил ее пальцем, а потом спросил – скажите, пожалуйста, который час?

Поленька, подавив вздох отправилась смотреть на часы.

В этот раз сообщение о том, что сейчас одиннадцать ноль-ноль Мадьяров принял спокойно, постоял еще немного и удалился прогулочным шагом, все так же косясь на старинный дом.

Не успел он скрыться из виду, что Нелли в сердцах вскричала – какая же я дура!

Это еще почему?

Ну, как же, если бы я не забыла о мобильнике в кармане, я бы сразу ему ответила, глядишь, разговор и завязался бы. Ты ведь рассказывала, что он и вчера интересовался временем. Торможу. А все почему? Потому что этот жених мне точно нравится. Вот я и смущаюсь, как девчонка.

Да, кто мог подумать, что он и сегодня тот же вопрос задаст.

Не скажи, как раз думать надо. Особенно мне и особенно в этой ситуации. Ах, ну надо же! Ты ведь знаешь, сколько у меня часов этих. На последний день рождения родители новые золотые часики подарили. Помнишь, они закрываются еще, а крышка – вся в рубинах. Красоты необыкновенной и почему, спрашивается я их не ношу? Небось про руку быстрее бы вспомнила, чем про карман. Ах, дура я дура!

* * *

На следующий день Коптев ждал возвращения Казимира. Его вызвали телеграммой и он в тот же час сорвался домой, успев лишь отгулять на свадьбе друга. Самолет донес его за пару часов.

По приезде прямо с вокзала Казимир – бегом к Ефимову. Они коротко переговорили. Потом Казимир забежал домой, на Ключковскую, бросил у входной двери вещи и даже не переодевшись унесся на пикапе в город. Там он также пообщался к милицейской властью, потом нанес краткосрочные визиты всем своим знакомым и знакомым Эдика, о которых только мог вспомнить, покрутился в ресторане и в конце концов тоже пришел к выводу, что брат в тот злополучный день домой не возвращался. К тому же, сразу после его исчезновения, Ефимов послал сюда запрос о его местонахождении. И все кто хотел высказаться по этому поводу уже давно высказался и если бы брата хоть кто-нибудь в тот проклятый вечер видел, об этом было бы известное. Не там ищу – такой вывод сделал Казимир.

Вечером он вернулся домой. Город ждал разборок, скандалов. Появление всегда выдержанного официанта со зверским выражением лица в любом месте города вызывало ажиотаж, самые любопытные следовали за ним на некотором расстоянии. Однако Казимир никаких активных действий пока не предпринимал, он побродил вокруг старого особняка, остановился поболтать с Полиной, потом также покружил вокруг съемной квартиры Мадьярова по улице Отводная, дом 3, где был засечен наружкой. А потом отправился домой.

Взволнованные горожане ожидали, что ночью Казимир по примеру брата, близнецы все же, займется юридически запрещенными мероприятиями, после чего также канет в никуда. Горожане глядели на парня с жалостью, кидали прощальные взгляды и только что автографа не просили.

Однако, следующем утром многие горожане снова увидели пусть небритого и помятого, однако живого и здорового официанта. Он шел по улицам Коптева, прочесывая его поперек и, пробираясь в калитки, а где и через забор перемахивая, заглядывал во все окошки подряд, особенно тщательно – в подвальные. Как будто думал – если брата нет ни дома, ни в ресторане, значит, он должен быть где-то в другом месте. Может быть его удерживают против воли, или он заболел, напился, ну, я не знаю... А я пойду мимо и почувствую его присутствие. Ведь мы всегда чувствовали друг друга. Мы по этой причине даже в детстве в прятки друг с другом никогда не играли. Эх!

За минуту до появления Казимира Вербной улице, к дому Поленики подошел Мадьяров. Полина, которая только вышла на улицу, подготовилась хорошо – бросила взгляд на настенные часы и поэтому точно знала, который час.

Не успел Мадьяров открыть рот, как Поленька с не– свойственной ей реакцией выпалила – половина третьего! Мадьяров налетел на сообщение как на дверь подъезда, сжался и замер, потом негромко произнес – да, и я так думаю. И доверительно глубокомысленно добавил – скоро будет три.

Тут к ним подошел Казимир. Здравствуй, Поленька.

Здравствуй, Казик. Как ты? Совсем не спал? Может зайдешь на минутку, я как раз травяной чай заварила, да и щи уже допарились. Ты сегодня ел что-нибудь?

Спасибо, Поленька, я потом... А сейчас надо бы нам с этим приезжим господином потолковать.

Зовут меня Казимир – глядя на Мадьярова в упор и не протягивая руки начал официант – и я брат пропавшего Эдика, если ты еще не знаешь. Пойдем-ка, мил, человек куда в сторонку, поговорить нам надо.

Погоди, давай Ефимову позвоню – испугалась Поленька.

Не, не волнуйся. Брат ночью пропал, значит стервятники эти по темному времени шуруют, тихушники. А тут вишь народу сколько. Ничего он мне не сделает... а вот за себя я не поручусь. И если врать вздумает – почую. У меня нервы щас, как без кожи вовсе. Любой вральский холод по ним, как лед.

Ну, что стоишь, пошли что-ли? И не бойсь, если ты тут не при делах, ничего с тобой не делается.

Мадьяров послушно развернулся в предлагаемую сторону и не спеша потопал вперед. Казимир кивнул Полине и пошел следом.

Поленька все еще сидела под впечатлением, глядя на лилию в первом круге от центра клумбы, когда ее вывел из задумчивости какой-то грохот.

Держа впереди себя здоровущие настенные часы с маятником, в полураскрытую калитку протискивалась Неллька.

Полина глянула на нее и ахнула. Кроме гроба часов в руках, на Нелли были надеты и навешены с десятков разнообразных часов и часиков.

Мужские же часы, скорее всего отцовы были нацеплены непосредственно на ногу, чуть выше высокой дуги застежки туфель. Видимо от ходьбы они сбились и переместились цифербратом назад и теперь чтобы узнать у них время, пришлось бы заглянуть Нелли за спину.

Полина уже поднялась на выручку, когда застрявшая Неллька наконец справилась с калиткой и ввалилась во двор.

Фу, я не опоздала, опрос времени еще не состоялся? – по деловому оправляя часы и часики, едва успев освободить руки – спросила Нелли.

Ты что, ограбила отдел часов в универмаге?

Ну, как же? Мадьяров уже два дня подряд спрашивал – который час, значит может и сегодня заявится. А тут при исполнении – живая девушка-часы. Уж в таком-то виде, согласишь, ему будет очень сложно меня не заметить.

А ты не боишься, что он от тебя, наоборот, шарахнется?

А что такого? Хобби у девушки такое, часовое, А сундук этот я может, из ремонта тащу.

Нелль, я не знаю, как тебе сказать, только он приходил уже...

Что?! Ах, ты черт! Так я и знала! А во всем виноват отец. Это он меня задержал. Сопротивляться, понимаешь, вздумал. Совещание, регламент. Какие-то часы дочке на ножку пожалел. Мой отец меня убил!

Ну, что говоришь такое?

Поленька, а можно я у тебя пару дней поживу, вместе с часами?

Да живи, сколько хочешь.

А расскажи мне, какой он сегодня был?

Кто Мадьяров? Да, обычный. Бледный как обычно и что-то про цифру три сказал. Знаешь, его Казимир, ну знаешь, официант «Золотого», у которого брат пропал, поговорить позвал. Прямо не знаю, до чего они там договорятся.

Ах, если Казька его побьет, я его раны лечить буду. Нежно, ласково. Лишь бы он его до конца не добил – мечтательно договорила Нелли.

Знаешь подруга, с тобой невозможно разговаривать. Пойдем-ка я тебя травяным чаем успокою.

Не, скажи лучше, в какую сторону они пошли, а то к нему еще кто-нибудь прибьется раны-то лечить. И так я все время опаздываю.

В этот день у Поленьки начало пестреть в глазах от количества людей, проходивших туда-сюда по улице. Но ни Мадьярова, ни Крафта, ни Казимира она больше не видела.

* * *

Еще парой дней позже Поленька проводила плановую прополку клумбы. Когда-то они с мамой решили сделать на месте клумбы художественную цветочную горку, но в связи с недостаточностью камней только обложили ими основание клумбы. Теперь Полина радовалась, что камней не хватило, потому что растущие среди цветов сорняки прятали свои корни глубоко под здоровыми булыжниками и вытащить их оттуда было гораздо сложнее, чем просто из земли. Ах, если бы все цветы росли между камней...

Поленька! – позвали от калитки. Полина подняла глаза и увидела Казимира. Сегодня он выглядел намного лучше. И был, если не весел, то по крайней мере оживлен.

Казь, ты сегодня сосем молодцом. Неужели Эдик нашелся?

Еще нет, но зато я теперь точно знаю, где его искать.

Где?

Лучше тебе об этом пока не знать. Только сегодня история эта так или иначе закончится.

?

Видишь ли, если хочешь до чего-нибудь докопаться, нужно разговаривать с людьми. Вот поговорил я с одним умным человеком. Он мне и разъяснил, ну, чем некоторые люди занимаются. Знала бы ты только, какую глупость мы сделали, когда немцу этому особняк продали. Таких страшных людей, как он только по телевизору показывать.

Это Мадьяров тебя так против Сергея Оттовича настроил? А ты не ошибаешься? Ты ведь даже в глаза его ни разу не видел. Так?

Вот сегодня и повидаемся. Еще как повидаемся!

Погоди, ты хоть ночью никуда не ходи – забеспокоилась Полина.

Э, нет, мы пойдем другим путем. Нам скрывать нечего, пусть люди все видят. В тихоря в темноте человека угробить – это не средь бела дня при свидетелях. Пусть попробует!

В этот день Сергей Оттович с обедом тянули. Поднос простоял в нише забора больше часа, прежде чем немец за ним явился.

Вокруг подноса толкался народ. Страсти накалялись. Кое-кто уже приглядывал на земле камешек потяжелей. Еще немного и немец остался бы без обеда, а ресторан – без посуды.

Наконец поднос медленно поскреб по кирпичной выемке внутрь, но не тут-то было, за другую его сторону цепко ухватился Казимир.

Из-за забора послышалось очень недовольное – в чем, собственно говоря, дело? Немедленно отдайте мой обед, иначе я пожалуюсь властям.

А власти здесь – сказал кто-то за спиной Казимира и выдвинули на передний план сержанта Ерохина.

Очень хорошо – обрадовались из-за забора. Прошу оградить меня...

Крафт Сергей Оттович?

А в этом есть какие-то сомнения?

Господин Крафт, прошу вас, открыть калитку, сложно говорить с человеком сквозь дырку в кирпиче.

Значит, вы желаете войти в мой дом против моей воли. Может у вас и санкция прокурора имеется? Стыдитесь, молодой человек, вы должны ограждать людей от насилия, а не поощрять его.

Зачем вы так? Именно урегулированием конфликта я сейчас и занимаюсь.

В таком случае, вы должны действовать следующим образом: немедленно прекращать этот стихийный митинг и ограждать мой дом и мой обед от посягательств. В противном случае я немедленно звоню вашему областному руководству – полковнику Фадееву. Думаю, ему будет небезынтересно узнать, что в вашем городе царит произвол, поощряемый властями и что он зря рекомендовал его мне в качестве для постоянного места жительства. А вам, молодой человек, я бы очень советовал, проконсультироваться с начальством, прежде, чем что-то предпринять. Мне почему-то кажется, что ваше руководство не в курсе вашей инициативы. Впрочем, это совсем не сложно установить.

Казимир, отцепись от обеда – прошипел Ерофеев и тут же развернулся к толпе – граждане, расходитесь. Господин Крафт имеет право на неприкосновенность жилища, он также имеет право не открывать дверь и отказываться от беседы. Призываю всех придерживаться рамок закона. Граждане, не толпитесь, спокойно идите по своим делам и не волнуйтесь, дело о пропаже нашего горожанина ведется со всей тщательностью. Давайте же доверим его профессионалам. Тем более, что следствие ни одного подозреваемого пока не установило. Последнюю фразу Ерофеев проговорил громко и было видно насколько сильно ему не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.